

Марина ГУСЕВА Размышления у чёрного входа

Оставим в покое сильных мира сего – литературных гениев, спустимся с Олимпа к подножию лестницы.

Для начала неплохо найти себя, совладать с потоком слов, мыслей, тем, обрести индивидуальность, путем наработки своего стиля и, наконец, обрести своего читателя. Непросто? Конечно! А кому сейчас легко? В то время, как из самой читающей страны в мире мы превратились в самую нечитающую, в то время, как потоком грязи вылилось на наши умы низкопробное чтиво, в то время, как окультуривают прежде не культурное, пошлое, чуждое, целясь в подрастающее поколение. Да еще загрязняют русскую речь нечистотами, навязывают иностранщину.

Говорят мы теперь демократическая страна, и поэтому у нас есть выбор: можно стоять в стороне, можно переплыть на другой берег, можно грести по течению, а можно стиснув зубы, захлебываясь и чертыхаясь – против течения.

И мы выбираем. Каждый по-своему, руководствуясь своими принципами, учитывая свои силы и возможности.

Решиться писать не сложно, многие хотят высказаться и думают, что их захотят слушать.

Один из общественных камней – критика. Сколько начинающих разбивается об него, сворачивают с пути, или топчутся не в силах идти дальше.

Повезет тому, чей критик окажется мудрым.

Повезет и тому, кто встретит проводника на своем пути.

Хорошо, если проводник станет учителем, плохо, если ученик не превзойдет учителя.

Подражание на определенном этапе допустимо, продолжение начатого – благородно, но, для того, чтобы состояться, нужно идти своим путем. Многие выходят на широкую дорогу творчества, но не многие проходят по ней достойно, еще меньше доходит до Олимпа.

Путь тернист – любят эту фразу поэты, считающие себя определенной творческой кастой, отделяя от себя прозаиков, и объединяясь с последними, только при вхождении в мир литературы и при столкновении с критикой. Но ни чьи границы не идеальны: поэт часто прозаик, а прозаик - поэт и критику не чуждо стремление творить и создавать шедевры поэзии и прозы.

Разбивается об очередной камень убеждение многих, что поэт – это только поэт, а прозаик не может быть хорошим поэтом, а критик далек от творческого созидательного начала.

Для того, чтобы писать – нужен талант, но еще важнее большое сердце и чуткая душа и, конечно, умение наблюдать, анализировать, брать на себя смелость давать советы, предвидеть и предопределять.

Важно оставляя свой след – не наследить, не нагрязнить в умах и душах читателей. Очень важно. Но удастся не всем.

Безусловно пишущий должен быть личностью – интересной, богатой, незаурядной. Да и может ли мелочный, завистливый, живущий ради себя любимого человек творить и не навредить? Такой писака может исхитриться и замаскироваться под подражание признанным, но создать свое с отравленной пороками душой – нет. Такой скорее украдет, чем выстрадает.

Вершина творческой личности – человек обогащенный талантом, опытом, неутративший способности любить.

Любовь многогранна и, какой гранью не поверни – любая во благо и человеку и человечеству – любовь к Родине, к матери, к детям, друг к другу. Да и любовь к братьям нашим меньшим, к труду – разве все перечислишь. Говорят, есть обратная сторона медали – любовь к деньгам, власти, роскоши. Но разве - это Любовь? Скорее алчность, а это порок, съедающий души человеческие.

У Любви и обратная сторона светлая.

Впрочем, любовь не медаль, данная в награду за какие-то заслуги, а хрустальный шар мироздания, озаряющий души человеческие сиянием. Да, только кто-то стремиться подойти ближе, а кто-то предпочитает отойти в тень.

Говорить на подобную тему можно бесконечно, но куда заведут подобные мысли, разве что в безоблачную даль рассуждений.

Давайте выйдем и оглядимся на ниве любительской литературы.

Гали:

*Твой облик взяла я из грез и видений,
Несбыточных мыслей, ночных сновидений,
Безумных суббот и пустых воскресений.*

Женское одиночество, поиск своей половины, сопутствующие всему этому встречи, ссоры, разлуки, легкая влюбленность (всего и не перечислишь) в изобилии наполняют страницы сборников поэтессы: «Семь тюльпанов» (вероятно, название дало одно из стихотворений книги, в котором есть строки:

*Семь тюльпанов! Обрела
Я надежду с вами).*

и «Течение» (образное течение женской судьбы):

*А сколько раз отмерено
Мне в жизни полюбить?
Я это уравнение
Все не могу решить...*

Когда придет решение данного уравнения, женское одиночество заменит женское счастье. Но это в идеале, а в жизни часто проще потерять единственного человека, чем найти ему достойную замену, и тогда тоска переполняет душу по безвозвратно утерянному:

*...пустое сердце, душа пустая.
Мы были вместе. Теперь одна я.
Горька разлука. Не будет встреч нам.
Встретимся только в Покое вечном.*

Женское счастье не будет полным, если женщина не реализует себя как мать, и сколько нежности, в стихотворении-молитве, написанном любящим материнским сердцем:

*Господи, сохрани,
Господи, пожалей
Дочку мою
И двух сыновей!
...пусть непутевые,
Пусть невезучие,
Дети, вы самые-
Самые лучшие!*

Каждый творческий человек рано или поздно размышляет о своем существовании:

*А кто же я? Осенний свист,
Цветок, зацветший после срока,*

*Иль белогрудая сорока
...я – надломленная ветка.*

О своем творчестве:

*Перехожу на новую волну.
Идут стихи безумные и странные.
Сегодня ночью снова не усну,
Страдая от себя непонимания.*

Прекрасны поэтические картины природы:

*Раскидало солнце золотые капли,
Модницам березонькам на платья.*

Природа в творчестве поэтессы помогает раскрыть чувства и состояние (классический прием) лирической героини. Да и сама манера письма, выбор тем и образов – образцы продолжения классической литературы.

Поэзия Констанской Гали – это будни и праздники женской души.

И даже, когда отчаяние одолевает:

*Я устала, устала, устала...
Бьюсь о стену больной головой
...как разбиты мои дороги...
Как неважны мои дела...*

решение неизменно одно:

*Будет утром все, как обычно.
И решать (проблемы) придется самой.*

Как это по-женски сильно и по-человечески мудро.

Существует разделение (не знаю оправдано - ли) поэзии на мужскую и женскую.

Не будем судить о справедливости этого утверждения, или сопоставлять стихи поэтов и поэтесс. Бесплодное это занятие. Полезней оценивать творческого человека согласно его творениям.

В случае с кадуйским поэтом Александром Дудкиным его произведения следует рассматривать по мере выхода сборников «Блуждание как блуд» и «Случайная небрежность».

В предисловии книги «Блуждание как блуд» слова Марка Шатуновского (поэт, г. Москва), обращенные к автору: «Мне нравятся ваши стихи за то, что они интимны».

Название обычно подтверждается содержанием. Блуждание – безусловно, но не блуд? (Для справки: «блуд – половое распутство»,

- 6 -

под ред. Д.Н.Ушакова Толковый словарь русского языка М. Терра 1996г).

Интригующее название сборника стихов Александра Дудкина немного шокирует.

Блуждать, бродить, плутать, странствовать, скитаться в своем мире или в окружающем не возбраняется, только блуд ли это?

Скорее самокритичность совестливого человека.

С первых строк автор заявил о себе, как о поэте талантливом, смело ищущем, глубоко размышляющем:

*О сложном просто
О многом скупо
О скучном долго
О пьяном трезво
Дождем по снегу
Огнем по льду
О мудром пошло
О власти робко
Без слов о звуке
О Боге всуе*

Интимность содержания не мешает тосковать, маяться, блуждать вслед за поэтом по строкам стихов, соглашаться и спорить с ним.

Со щемящей болью пишет он о России:

*За стенами дома тоска и торгуют
Натужно кричит победивший политик,
Пророчит России погоду сырую,
Торопит и гонит – зачем вы спешите?
Зачем не даете лошадку запрячь?
Кто в давке и оре и слышит и зряч?*

Риторические вопросы не требуют ответа, и тем пронзительнее звучит конец стиха:

*В безмолвии только... там можно прилечь,
Там мыши скребут, угарно от свеч
И тихая – тихая русская речь...*

Не «почему» - а «зачем»; не «лошадь» - а «лошадка»; повторяющиеся многоточия и недоговоренность – все эти художественные приемы направлены на усиление текста.

Россия и россиянин, страна и гражданин – понятия неразрывно связанные. Политический гений прошлого века сказал: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»...

Поэт размышляет о своем месте в обществе:

*Я живу в России. Понемногу.
Непутево. Попусту. Взаимы.
Верю в Бога, но не верю Богу
И боюсь, боюсь, боюсь тюрьмы.*

○ бытие:

*Печка топится. Мысль убежала
Прибрела за получкой тоска.
Печка топится. Прожито мало.
Смерть, как в детстве, нестрашно близка.*

○ творчестве:

*Стихами мозг легчайшими загружен,
Загружен, изрубцован и изрыт,
Истерзан, опрокинут и убит...
Пленный рифмой, я с ума сошел,
А сердце все дотла изжег глагол.*

Совесть не даст человеку очерстветь, ум не позволит остаться равнодушным, а сердце внушит любовь. Не так ли рождается поэт?

В книге «Случайная небрежность» (можно ли допустить, что автор кокетничает?) нет ни чего случайного, небрежного, как нет ничего постыдного в откровениях личности честной и неумолимо страстной.

Сознательное искажение поэтом традиционного стихосложения, ритма и рифмы – оправдано как художественный прием, направленный на раскрытие метаний и поиска души русской. Подкупает искренность, отсутствие желания выбелить и приукрасить себя. Назревший в душе нарыв лопнул и вылился на бумагу. Наступит – ли исцеление, да и нужно – ли оно поэту?

При поверхностном просмотре текстов возникает сомнение: не бред ли это. Но при вдумчивом внимательном чтении отдельные слова и обрывки фраз складываются в монолог, наполненный глубокими чувствами и смыслом.

*Желаю помнить и понять желаю
...все возгласы, все шепоты, все стоны-
Другие звуки, коих миллионы,
Динамику простудных сквозняков
И смысл иных крошечных пустяков.*

Каждый такой пустяк важен – он часть чего-то большого:

*Пространства без времени нету,
А сущность живет в пустяках.*

Сборник наполнен стихами, своеобразными зарисовками

состояния души поэта:

*Беснуется совесть и вера,
Надежда кричит про любовь.*

Подчас сквозь отрывистые строки проступает емкая встревоженная мысль. Вырываясь из-под пера, она обретает плоть: страдающую и ноющую, беснующуюся и тоскующую – плоть русского духа:

*Смещение – смещение – смещение
....над робостью потешное глумление
Вчера, сегодня, через все века,*

Размышления о судьбах Родины, земли русской, о деревне и людях живущих в ней, о неразрывной связи автора со всем окружающим его:

*...междарствие, война, многоголосица,
Безветрие, неверие, обман.
Страна на волю ежедневно просится,
Но попадает вольная в капкан.
...слышно как клокочет сердце
От прилианных вестей
С вечной, вечной, вечной бойни,
На которой нет чудес,
На которой гибнут сотни
Трудоголиков, лентяев,
Алкоголиков, хмырей...*

Поэт со своей гражданской позиции созерцает и готов отрицать (но не нигилист), готов бунтовать (но не революционер), готов осознать мир таким, каким он его видит (но не философ).

Александр Дудкин – поэт, пишущий душой, пытающийся осознать себя, свою роль, порой жестко и критично:

*Очки слепым глазам находят руки,
А ноги сами тапочки – ступай,
Живи опять, животное, без толку
И без меры, безвольно и бездумно – кое-как.*

Картины природы помогают открыть душевное состояние поэта (классический прием):

*Снег идет и жестко правит
Этим светом, этим мной,
Бедной и самодержавной
Необузданной страной.
...что со мною будет, если
Не растает этот снег?*

Стихи наполнены натурализмом.

Исступление и крайность – привораживают и отталкивают, что за ними кроется: страсть или холодный цинизм? Каждый читатель должен ответить сам.

Особняком в сборнике стоят посвящения и любовная лирика (лирика?):

*И обнять охота и убить
(жаль, а на убийство не способен),
Гладить, целовать, лизать – ласкать,
Говорить и слушать, слушать....*

Личное одиночество - страшно, но одиночество необходимое для свободы - благо для творческой личности.

К творчеству Александра Дудкина можно относиться по-разному: принимать или не принимать; ругать или восхищаться, но вряд ли можно отрицать, что он поэт неординарный и самобытный.

Просматривая творчество поэтов, нельзя не обратить внимания на манеру письма, слог и содержание стихов. В текстах заключена информация, мысль, чувство, которые направлены на восприятие.

*Выврождение сожаления
Возрождение поражения*

Емко и без прикрас читаем у Александра Дудкина и далее определение Любви автором однородными существительными:

Шелестение, шелест, шорох,

Рост эмоциональности, напряжение:

Жалость, жалоба, жжение, горечь..

Разочарование:

*Шалопутство и шутство –
Вот любовь.*

И, наконец, коротко подытоживающее и нетерпящее добавлений к сказанному:

Все.

К сожалению, далеко не все поэты так трепетны и грамотны в использовании средств русского языка (да и Александр Дудкин не всегда пользуется литературным языком).

Далее будут приведены примеры, из этических соображений и в надежде на стыдливость их создателей и их возможное исправление, без указания имен авторов и источников, из которых взяты тексты. Пусть это послужит горе рифмоплетам уроком, не очень строгим, но назидательным.

*Ложу букет к ее ногам
От счастья млею сам.*

Милейший, млей ты хоть от счастья, хоть от радости, но запомни: слова «ложу» нет в русском языке.

Далее у того же автора:

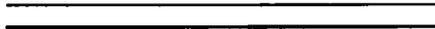
*Я балдею от тебя
...Перелюбив балдюсь.*

Чем дальше в лес, то есть в любовь, тем больше дров, то есть слов. Мало того, что автор начисто забыл о знаках препинания и пропустил восклицательный знак и запятые при одиночном деепричастии, он еще и пытается образовать новые формы жаргонных слов.

Конечно русский язык не мертвый, а постоянно развивающийся, но зачем же его засорять?

В погоне за экспрессивностью (или от безнаказанности?) возникают такие строки, попирают нормы русского языка и нормы культуры.

Толпясь у черного входа в большую литературу, не надо забывать о ее великом назначении, ее традициях и истории. Выпуская в свет свои строки, стоит помнить о том, что важно не оставить свой след, а важно не наследить.

Членам кадуйского литературного
клуба «Семизерье» и всем
заинтересованным лицам

Заявление.

Текущий литературный процесс. Слова громкие. И обозначают, думаем мы, нечто огромное, от нас далёкое, нам не доступное. Ну а мы, в меру своих скромных сил, что-то выцарапываем на бумаге, и иногда с мятыми листочками подходим к большому дому великой русской литературы, топчемся у чёрного входа, но, страшась окриков принципиальных охранителей (критиков) сего небоскрёба, понурился взгляд, убираемся восвояси.

Ну и почему нам хочется, чтобы нас обязательно заметил и приветил кто-то, кто уже успел в этом доме поселиться, но, вместе с тем, сами не замечаем своих негромогласных соседей?

Почему похвала мэтра, чаще всего поверхностная, для нас важнее продуманной рецензии товарища по несчастью?

Почему напечатанным за счёт средств спонсоров и по милости властей мы дорожим больше, чем изданным без помощи чужих денег и опеки далёких от литературы людей?

И, наконец, почему мы не жаждем самостоятельности, свободы?..

Нам есть что сказать друг другу, но мы хотим не просто это во что бы то ни стало произнести, но и хотим, чтобы нас не перебивали, не освистывали, дали договорить, выговориться... Мы хотим, чтобы нас поняли. Или не поняли, но тогда возразили.

Вот для этого и создается «Предтеча». Ведь обычного общения недостаточно. Да и слово вербальное не может быть заменой слову рукописному, печатному. Потому, хотя бы, не может, что слово произнесённое, но не попавшее на бумагу – слово легкомысленное, тогда как записанное гораздо весомее, ответственнее и долговечнее.

Почему предтеча, а не итог? Почему исток, а не устье?

Потому, что после разбора полётов можно сделать только выводы, но ничего нельзя изменить.

Потому, что, очищая воду лишь в устье, мы не очищаем всю реку.

Потому, что всё, что будет напечатано в «Предтече» и есть исток, толчок, повод... Может быть, причина.

Потому, что всё можно ещё исправить.

Но это не значит, что у нас нет критериев, но это не значит, что всё позволено. А о том, что не позволено, сказано в конце статьи М. Гусевой, предшествующей этому заявлению.

К сему Александр ДУДКИН.

3 июля 2006 года.

В следующих выпусках «Предтечи» вы сможете прочитать:

- Мария МАРКОВА. Рассказы;
- Моя антология. Часть I: Кадуйские стихи. (Попытка первая).
Составление и комментарии А. Дудкина.

ПРЕДТЕЧА

информационный листок Кадуйского литературного клуба
«СЕМИЗЕРЬЕ»

№ 01

Александр ДУДКИН - идея, составление, макет.
10 июля 2006 года.

Мария МАРКОВА
Пять рассказиков и два стишка

INTELLIGENTI PAUCA

Так вот, чтобы вы знали, случай - это все. От сломанного каблука до смерти дедушки в Австралии с внезапно подвалившим наследством (вот это везение!). А уж какой он, этот случай, никогда заранее знать не дано.

Я вам хочу рассказать о том, что произошло со мной на днях.

Но сперва - предыстория.

Около месяца назад я приобрела в одном книжном магазинчике сборник рассказов известного сквернословца и пьяницы Буковски. Особенно впечатлила меня история о том, как его герой отправил в нокдаун старину Хэмингуэя. «Мечта писателя, высший класс, - думала я: выпивка, женщины, поверженный Папа Хэм, слава, и как будто так и надо!»

А недавно я получила письмо от одного поэта, который требовал от меня прекратить прикрываться щитом инфантильности. При этом он писал, что гореть мне в аду до скончания веков за то, что в десятилетнем возрасте я долго и упорно играла в энтомолога, не зная правил игры (бабочки умирали неделями). И еще намекал, что ни в жисть не поверит, что у меня все с языка случайно слетает.

Уж не знаю, как там насчет «случайно», но бабушка мне всегда твердила, чтоб я прикусила свой длинный язык. А один мой знакомый говорит, что я, как чукча, пою то, что вижу, и как часто бывает - сволочи, какую песню испортили! - не к месту и не в тему.

Но случай, si fata sinani, может легко перевернуть все с ног на голову.

На днях попался мне этот самый поэт (а перед глазами Хэмингуэй, сплевывающий свое «и что это было?») и вид у него был самый что ни на есть предовольный. А у меня, как назло, все плохо. Видимо, не с той ноги встала три раза подряд. Над письмом я, конечно, смеялась до слез, а тут зло разобрало, основательно так, каждое слово в отдельности, вплоть до суффиксов. Галочки эти перевернутые над ними вдруг показались такой издевкой! Поэт, правда, приписал в конце «извините дурака». Но вот «дурак» и было первым вырвавшимся из меня словом, а никак не «здрасьте». Мне так хотелось потом крикнуть, что это он виноват, нечего было так подписываться, но было поздно. Поэта перекосило основательно. Причем так перекосило, что на радикулит уже не свалить. Сразу ясно, что кто-то его дураком назвал. Может это для творческой личности самое страшное проклятие. У некоторых может даже волосы выпадают или зубы. А этого - перекосило. Я, естественно, смеяться стала. А смех над творческой личностью - ужаснее позора. И поэт сперва побледнел, потом посинел и схватился скрюченной рукой за сердце.

Может, это был инфаркт. А настоящие поэты должны умирать только от пьянства. И мне стало стыдно, что я испортила ему и внешность, и день, и славный конец. Да и герой Буковски победил Хэмингуэя в честном бою. И если может стать стыднее, то это - то самое и было.

Правда, я проснулась потом и вздохнула с облегчением, что все оказалось не очень приятным сном. Но проснулась я не сразу, а потому стыд, перекошенным поэтом, еще долго преследовал меня. То промелькнет в толпе и помашет мне синей рукой, то привет передаст через знакомых.

А случилось-то со мной вот что (я ведь и забыла, с чего начала): я же в лотерею выиграла! Не джек-пот - хватит на пару новых книг, но еще не решила каких. Может Хармса с его историями о Пушкине и Гоголе?

Опять об поэта!

Опять об поэта!

Опять об поэта!

О ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТИ

Один человек мне как-то сказал, что он требовательный. Я над подобными заявлениями обычно смеюсь. Потом он добавил, что требователен не к себе, а к другим. А на такое я обижаюсь.

Мы не вправе ждать от кого-то того, чего сами не можем дать им, чем сами не владеем. Должно существовать простое человеческое равенство, некая самоотдача, взаимовыгодное сосуществование. От себя же можно требовать невозможного. Потому что, так уж вышло, что себе мы прощаем все, даже измену, а другим мы не умеем прощать. А еще говорят, что если хочешь найти в человеке плохое, то ты его обязательно найдешь. Значит нужно делать наоборот, искать только хорошее.

Все люди разные, но поскольку мы живем вместе, приходится постоянно идти на компромисс. Мы же - ЛЮДИ.

...как-то требовательный человек захотел, чтобы все было только так, как он задумал. У него были грандиозные планы и наполеоновские мечты. Его не устраивали «быть может» и «например». Он поклонялся страшному идолу АБСОЛЮТУ и ежедневно приносил ему жертвы - жил только по плану. У этого человека было отменное здоровье и только одно выводило его из равновесия: когда что-нибудь происходило случайно и от него не зависело.

Но этот человек говорил на невсехнем языке и его никто не понимал. Человеку для счастья нужна была самая малость, чтобы его хоть чуть-чуть понимали и, может быть, немножко любили. Но он не умел верить и надеяться, он умел только требовать и молчать. Когда его не понимали, он молчал с утра до вечера.

Человек потом превратился в плакат. Он о чем-то кричал, но его никто не слышал. Люди обычно редко видят дальше своего носа.

ПРО ОДНОГО ОДИНОКОГО КОТА

А.М.

Один человек вообразил себя котом. Всю ночь он орал на крыше, а с утра пораньше спустился по водосточной трубе до третьего этажа и залез в окно, где жил его злейший враг. Человек хотел пометить все углы, но увидел на полу миску с кошачьим кормом и не смог устоять.

Враг его зашел в комнату совсем не вовремя и стал громко смеяться. Человек испугался, бросился к окну и, упав с третьего этажа, сломал себе ногу.

А до того случая он был совсем нормальным. Он работал на кладбище не знаю кем и очень сильно переживал, что никем не стал в этой жизни. Его все считали алкоголиком. Так и было, что уж тут лукавить и приукрашивать правду. Он любил Берджеса и Кастанеду. Комната у него была очень маленькая, и человек страдал от клаустрофобии. Еще ему не везло на женщин и потому, раз в месяц он встречался с женщиной, а тот пропивал всю его получку.

На самом деле вокруг было полно людей, подобных ему, но все они не могли найти общего языка, так как несчастны были каждый по-своему. К тому же, природа обделила его красотой и дала слишком умную голову и золотые руки. Вот только росло все это не из тех мест, а потому он не мог найти им применения.

А когда этот человек ногу сломал, то испугался, что и умереть так мог. А что было дальше, я не знаю. Жив, и ладно. Думаю, ему стыдно за свое поведение.

ВОЖДЬ АПАЧЕЙ

Всю неделю у диспетчера муниципального предприятия пассажирских автоперевозок Нины Семеновны не было ни одной свободной минуты. Придет она на работу к шести утра и как примется за дела! Пишет, считает, бегаёт, ругается, пьет чай, курит, снова пишет. Упадёт что-то на пол (ну, мало ли там, ручку со стола смахнет) - полезет под стол. Вылезет, и опять считает, ругается, бегаёт, курит.

Можно сказать, что сигареты и чай были той самой свободной минутой, но это как сказать. Чай она пила обжигающим, в спешке, закусывая кусочком фруктового сахара или соленым крекером.

Секундное дело.

А курила она тайно от остальных работников, хотя все вокруг знали об этой ее вредной привычке, ведь работала Нина Семеновна на предприятии уже более сорока лет. Выбежит диспетчер в коридорчик, затянется, и назад. А если директор где поблизости как бы прогуливается, то выскочит и заскочит, не затянувшись. Так, вроде бы проветривалась.

Постоянный стресс.

А тот памятный день был пятницей, и в пятницу с памятью у Нины Семеновны стало твориться что-то не то, поскольку вообразила она себя к концу недели смелым вождем апачей. А то, что она - скромная женщина шестидесяти лет, примерная дачница и бабушка прелестного внука, Нина Семеновна напрочь забыла.

Первым делом, диспетчер наделала стрел из подручных средств, а именно: ручек, карандашей, скрепок, клея и ножек от трех вполне еще годных стульев. Правда, стульев было четыре штуки, но как выяснилось позднее, последний заменил ей дикого мустанга (бедняжка в детстве бредила книжками про индейцев).

Из путевых листов, явно не подлежащих такому варварскому обращению, она симпровизировала себе головной убор. Причем, импровизация была настолько удачной, что он даже не падал, но очень впечатляюще колыхался.

Длины волос на мужественные индейские косички не хватило. Зато были первые охотничьи трофеи. Молоденький сторож Вася безропотно отдал ключи от всех подсобных помещений, бутылку чистой воды, бутерброд, брючный ремень и скальп - синюю бейсболку.

Опыта обращения с женщинами у Васи было еще очень мало, к тому же, диспетчер занимала высокую должность. Да и мама его

всегда учила уважать и слушаться старших.

Жажда войны обуяла Нину Семеновну где-то после обеда. Обычно на обед диспетчер впопыхах ела пельмени. Но в тот день она не пошла домой и осталась голодной. Проснулись древние инстинкты, и она решила отвоевать законные индейские территории у родного предприятия. Жизнь в резервации порядком утомила диспетчера. Каторжная работа, на которую ее обрекли белые, снилась ей ночами. Нина Семеновна даже икала, когда думала о долгожданном отпуске.

Хлебнув для храбрости воды, отнятой у сторожа, диспетчер, оседлав коня, выскочила на улицу с ужасным криком, размахивая томагавком - оборванной телефонной трубкой. Как бы прогуливающийся директор не заставил себя ждать. Но если б он знал, чего следует ждать от Нины Семеновны, он бы тут не прогуливался. Но на уме у него были только штрафные санкции, налоговая инспекция и шашлыки в субботу с другим директором.

Диспетчер подсказала к начальнику и, схватив его за галстук, потребовала крови и зрелищ, а еще скальп. Директор упал на землю, сраженный ее нечеловеческим обаянием. Но на самом деле он не знал, что такое «скальп». Он в детстве читал книжки про партизан и смотрел фильмы о тарзанах.

Скорее всего, Нина Семеновна лишила бы директора последних волос, но в это время из гаража выехал красный автобус. Вождь апачей не вынесла напора явно прогрессирующей цивилизации. Злой дух в виде грохочущей машины, верой и правдой отслужившей предприятию девятнадцать лет, привел диспетчера в трепет. А трепет привел ее в бессознательное состояние.

Правда, потом медик и нашатырь привели Нину Семеновну в чувство. А там и отпуск начался. И у директора, к счастью, отшибло память, потому он благополучно забыл вождя апачей, свое собственное имя и что премия всем урезана на семьдесят процентов. То-то радости было!

Сторож Вася поверил своей маме, что все женщины стервы, стал носить спортивные штаны и научился глотать ключи в случае опасности.

А старый стул еще долго вспоминал самый распрекрасный день в своей жизни.

РАССЕЯННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Один рассеянный мужчина слишком много всего знал, а потому ничего не помнил. Он мог о некоторых вещах говорить по нескольку раз, и рот его был глиняным.

Но если честно, то в такие моменты он думал совсем о другом. Он думал, как тяжело бывает говорить правду и как нелегко смотреть в глаза кому-то и не говорить правду. Думал о том, как одолевают людей их неисполнимые желания и почему они неисполнимы. О том, что дети лишены предрассудков и потому мудры. А мудрость - это способность спокойно воспринимать все таким, каким оно является на самом деле.

Этот мужчина сидел один по вечерам и подозревал, что так будет всегда. Окно было квадратным, свет - электрическим, а он - слишком умным. Соседи его солили огурцы и вытирали сопли своим наследникам. Он надеялся, что люди добрее, чем кажется, но люди просто хотели жить, пока живется и не думали ни о ком, кроме себя. Было бы проще, если бы он тоже что-либо солил и кого-либо воспитывал,

но я же говорю,

что он был слишком умным!..

P.S.:

НЕИСПОЛНИМЫЕ ЖЕЛАНИЯ ИЛИ О ЧЕМ ДУМАЛ РАССЕЯННЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Оказывается у взрослых все просто-непросто. Все зависит от того, правильно ли это (на их взгляд) или нет. А еще говорят, что все решают деньги, что на них, якобы, можно все купить. Еще это может быть то, чего не существует вовсе. И тогда оно не может быть.

У детей все решают сроки. «Когда я вырасту» - это заклинание. Читается нараспев с мечтательно прикрытыми глазами. Повторяется как можно чаще. Но с возрастом, как правило, невинные желания и маленькие мечты замещаются большими амбициями. Взрослые тоже умеют закрывать глаза (на многие вещи). Это уже вопросы совести, те же самые детские «почему», но зывающие к совести, которая, как все говорят, у многих отсутствует.

В свидетели кого угодно - врут!
Все врут о том, что время раны лечит.
Так временно лекарство и ничуть,
ничуть не легче. Мне. Ничуть. Не легче.

Все повторяю, глядя на огни
полночные, огни святого Эльма:
Куда податься? Я - простой ронин,
я - выдумка блуждающая Лема.

Убей меня! О! Я бы умерла!
Отмучилась, остыла и уснула б,
укрывшись пеплом розовым,
сведя в спартанской судороге скулы,

счастливой! За беспамятство одно
я отдала бы наш последний вечер
и спиртом отдающее вино,
но есть то «но», что никого не лечит.

И знаю я,
и вижу я,
и жду
в агонии,
в аду,
в полубреду,
что тоненько намеченные губы
меня к моей болезни приведут.

Предвестники (про них же говорят
«накаркали») - потерянные фразы
и несколько плохих примет подряд,
и думаешь, что, верно, кто-то слазил.

Все проще, чем нам кажется. Порой
действительность напоминает сказку,
она же - не на жизнь - тяжелый бой
навязанных условий и соблазнов.

А побеждает слабость уступить
себе, врагам, течению и ветру.

Превозмогая - жить,
бунтуя - жить
и отрицать нелепые приметы.

ПРЕДТЕЧА

информационный листок Кадуйского литературного клуба
«СЕМИЗЕРЬЕ»

№ 02

Александр ДУДКИН - идея, составление, макет.
17 июля 2006 года.

моя антология
часть I: Кадуйские стихи
(первая попытка)

Составление и комментарии А. ДУДКИНА

...стихи делятся не на хорошие и плохие, а на те, которые нравятся нам и которые нравятся кому-то другому...

М. А. Гаспаров

Всё, что сочиняется в рифму и записывается в столбик, наверное, можно рассортировать по четырём (пяти) папкам.

В первой окажутся личные (подчёркиваю, не интимные – личные), слишком банальные, интересные только самому автору, в крайнем случае, его близким родственникам, обязательно плохо зарифмованные стихишки.

Во второй – уровня районного, уездного. В этих произведениях тоже много банальностей, чересчур правильных, нормальных, бесспорных умозаключений, в них уже появляется, чаще ложный, пафос, состоят они из наштампованных средствами массовой информации строк. А вот в третью папку, если бы, конечно, такая существовала, время от времени должны заглядывать если ещё не обычные, незаинтересованные читатели, то обязательно читатели профессиональные: литературные рецензенты, обозреватели, критики, писатели, организаторы текущего лит. процесса. В ней, если иметь тонкий слух и зоркое зрение, можно и на клад наткнуться. В четвёртой – стихи живые, а не надуманные, свои, кровные, а не пародия на чужие, стихи поэтов со своим голосом (почерком), стилем, манерами, фишками... И уровень их – языковой.

В третьей и четвёртой папках я и находил стихи для своей антологии. Брал, конечно же, не всё, а то только, что понравилось. Без всяких оговорок понравилось.

Поэтому антология получилась абсолютно субъективной. В ней, допускаю, нет многих замечательных стихов, в ней, допускаю, не представлены некоторые прекрасные кадуйские поэты. Тогда, может, кто-нибудь наберётся смелости и составит свою?

Валерий КУЗЬМИН

В. Кузьмин не только бережно относится к своим стихам, не терпит посягательств на них, но и замечает (читает) чужие. И разбирается, хоть и пристрастно, в них. А это редкое умение.

Поэт тонкий, тихий, чаще не пафосный, а если и пафосный, то по делу. Поэт настоящий. Но погружён, затаен в обычный быт. Старается жить правильно, как положено. Но вот Мишель Уэльбек утверждает: «Научиться быть поэтом значит разучиться жить».

В лодке

В рассвет опуская уставшие руки,
Забывши про вёсла, про скомканный парус,
Гребли мы на солнце, на города звуки,
Но лодка на месте застыла, казалось.

Дул ветер попутный. Но только ознобом
Тебя прошибало от помощи этой.
И куртка моя с меховым отворотом
Не грела тебя в полудрёме рассветной.

Крикливые чайки над гладью залива
Нам помощь свою на весь мир предлагали.
И пара дельфинов... поодаль, лениво
Атласные спины для нас подставляли...

Дарило лето
запоздалый зной.
И воздух был
с утра прозрачен, чист.
И видел я:
за солнечной игрой
сгорал беззвучно
тополиный лист.

Звала река
прохладой быстрых струй.
Мир в ней одной
как будто бы замкнулся...

Я плыл туда,
где самый дальний буй
концом бревна
в дно вязкое уткнулся.

Цвела вода.
И в брызгах солнца – луг.
Цвело лицо
улыбкою широкой!
И мир искрился
радостью вокруг,
и... обрывался
где-то за протокой.

Мария МАРКОВА

Мария Александровна довольно часто предъявляет заинтересованным лицам свои новые стихи. И стихи эти (да и она сама) ещё раз доказывают: нет предела совершенству.

Вроде бы только вчера я восхищался строками:

*Мне мудрости не хватит
смягчить мои слова.
Каких ошибок ради
я окажусь права?..*

и говорил себе и людям, что лучше нельзя написать.

Но сегодня своенравная Маша язвительно спрашивает: А это разве не лучше?

*Начну (начинать - это проще,
чем все доводить до конца)
без прежней разнузданной мощи
с несъеденного яйца,*

*коль дело настолько важно,
что не придержать на час*

*ни волокит бумажных,
ни бесконечных фраз.*

*Так и решу на случай,
если не повезет:
не было б доли лучше,
худшая - подойдет.*

Лучше, Маша, лучше!

Остынет обед на столе,
Износится к осени обувь.
Вот так незаметно сто лет
отдам я ошибкам и пробам.

А позже придут холода,
история, сны, паутина,

по чеховским белым садам
сезон бесконечных поминок.

И мудрости первой своей
ответу тоской неизбежной,
классической, лёгкой, небрежной,
гагачьего пуха нежней.

Изменяю заведомо. Боже мой! – прекословлю...
И надежда на лучший исход непременно условна.
Как легко упорядочить хаос единственным словом.
Словно свет изначально незрячему был уготовлен.

Наковальня, подвластная только божественной руке.
Исторический замысел – снова к истоку вернуться.
И кусочек судьбы моей – страшной, нелепой и куцей –
подойти к этой пропасти и, оробев, прикоснуться...

Всё одно – не мосты между нами,
чтобы их разводить и сжигать.
Незатейливых судеб орнамент
начала я с утра вышивать.

Это утро, что молодость наша,
быстротечно, речисто, легко.

Незаметно становится старше.
Убегает с плиты молоко.

Обживаем гнездовья и стены.
Привыкаем застенчиво врать.
А к чему приведут перемены –
никому не дано угадать.

Мария не пишет. И больно.
Клок шерсти с паршивой – не взять.
Менять адреса и пароли,
и имя пора бы менять.

Пора бы – по клубам, по бабам,
по горьким проторенным снам.
Вот так бы взяла и ушла бы
куда-нибудь трезвая в хлам!..

Достали. На нервах из стали
дотошная едкая ржа.
Сыграла своё. И едва ли
жива ещё в теле душа.

Мария не пишет с неделю.
Пылинки сдувает с руки.
Моря и уста обмелели.
Так короток век у строки.

Безнадёжно. Дожди не стихают.
И ночами я плохо сплю.
Галеоны с руки спускаю
и топлю...

Сумасшествие. Безымянен
и безлик обмелевший сон.

Якоря и ключи в кармане.
Горизонт.

Оставайся моим ненастьем.
Я свернусь под тобой в клубок.
И раскинет лениво снасти
потолок.

Юлия ТАХУШЕВА

Вышедший в 2004 году сборник стихов кадуйских школьников, бывших и настоящих, открывает стихотворение не по-детски написанное. Я, честно говоря, тогда не поверил, да и сейчас сомневаюсь, что вот так может написать ребёнок: складно, выверено, гармонично, за-ме-ча-тель-но:

Первый луч

Застенчиво и робко проснулся первый луч,
И ты увидел снова небесный свод без туч.
Ты любишь это время: когда ещё не зной
И, сонно нежась, утро лишь дышит тишиной.
Ты радуешься свету – всему, что за стеклом:
Тому, кто самым первым пройдёт в окне твоём,
Знакомой рыжей кошке, соседскому щенку
И в маленьком окошке огромному цветку.

Александр ДУДКИН

канал, кювет, канава
река, ручей, овраг
разборка – не облава
соперник, а не враг

следы, тропа, дорога
не автомагистраль

от самого порога
проклятья и мораль

не озеро, не море
водо-храни-лище
на радость и на горе
людей судилище

Одиночество – это жадность:
никому себя не отдам.

Одиночество – это праздность
невесёлая – стыд и страх.

Одиночество – неумение,
нежелание быть никем,
но обратное, тем не менее,
одиночество насовсем.

Тщится и тешится время,
бьётся и бьёт невпопад,
тыщу наслёт эпидемий,
экономический спад,

лечит холуйством и пьянством,
лезет навязчиво в сны
да изменяет пространство
мудро, без всякой нужды.

Сквозь стёкла грязные очков и окон
я вижу как несутся облака,
и просто так – надменно и высоко –
качаются электропровода.

И просто так вот этот шумный ветер,
и этот вечер, этот день, та ночь
останутся на этом белом свете,
вот в этой памяти. Как фон для вещей снов.

ПРЕДТЕЧА

информационный листок Кадуйского литературного клуба
«СЕМИЗЕРЬЕ»

№ 03

Александр ДУДКИН - идея, составление, макет.
24 июля 2006 года.

Галина ЩЕКИНА**Состоявшиеся рассказы**

Марина Гусева по профессии учитель, и это в полной мере раскрывает перед читателем и суть, и главные темы ее творчества. Это, конечно, дети. Для самых маленьких Марина сочиняет простые и поэтичные стихотворные строки, загадки, сказки, они публиковались в российских журналах вместе с иллюстрациями.

О детях тревожится ее сердце, когда они страдают от равнодушия близких и общества. Рассказы о сиротах, о тех, кто брошен или обижен, печатались в областной газете и с одним из них - «Кукушонок» - она участвовала в областном литературном конкурсе «Глаголь» и заняла одно из первых мест.

Симптоматично содержание дебютной книги М. Гусевой «Несостоявшийся рассказ»:

первая часть - рассказы бытописательские, вторая - мистические, третья - детские.

Тут угадывается целая программа работы писателя на последующие годы, все направления. Пусть всё это несколько эклектично, зато живо и искренне.

Тематически рассказы распадаются на два массива - один повествует о детях, второй о женских судьбах. Рок, судьба - вот что преследует героев М. Гусевой, не дает им покоя.

В «Несостоявшемся рассказе» суэта и круговорот лишних людей мешают творчеству.

Когда жертвы обстоятельств - дети, то тоска и комок в горле остаются и у читателя: «Кукушонок», «Щенок», «Еще один день».

Круговерти женских страстей в «Сопернице», «Мужегоне», «Если бы тебя не было» подчас имеют криминальный оттенок, но чаще всего фабула остается необъяснённой, ей сопутствуют чудеса. Не страшится автор заглянуть в то, чему нет пока

разгадки.

Рассказы этого сборника именно женские - они психологичны, ярки, разнообразны, полны эмоций и размышлений.

Совершенно неожиданной кажется выход второй книги - не прозы, как ожидалось, а - стихов под заглавием «Бабье лето». Казалось бы, банальное название, но М. Гусева и не пытается здесь открывать Америк, она просто делится своими переживаниями.

Сборник стихов, возможно, имеет в структуре своей некоторую шаткость: расположение стихов можно легко изменить, не нанеся ущерба смыслу, есть ритмические сбои, некоторые строчки проходные, встречающиеся у всех.

Однако лучшие образцы стихотворной лирики Марины открывают в ней пусть негромкий, но ясный поэтический дар.

Весьма многообещающи новые рассказы М. Гусевой, над которыми она работает в последнее время и, в которых она возвращается к мистике: «Малыш, где ты», «Обрести и не утратить». В рассказе «Обрести и не утратить» название вроде бы не очень к сюжету – здесь герои ничего не утратили, наоборот, обрели друг друга и жизнь тоже. Мысли материализуются, радиоволны бьются между близкими душами, за Веру молятся все и в смерть не отпускают.

«Мой враг» - лихо закручено. «Дом, который построила я» - вещь красива и написана поэтично. Это почти поэма прозой. Она сильно выходит за рамки данной подборки, но могла бы стать генеральной идеей, если бы была еще такая же вещь, хоть одна.

Некоторые куски прозы Гусевой показывают также ее лирическое дарование.

Отличное знание русского языка и литературы, а также организаторский талант и природная доброта определили ведущую роль Гусевой в местном литературном процессе в пос. Кадуи Вологодской области.

Забота о ближних наряду с материнскими хлопотами в семье подвигла Марину возиться с местными сочинителями, членами литобъединения «Семизерье», именно она стояла у его истоков и стала его старостой. Внимательность, чуткость к чужому творчеству во многом определили развитие всего лито, судьбу отдельных писателей и поэтов. Неоднократно общаясь с М. Гусевой на районных и областных мероприятиях, я подтверждаю, что она не только литератор, но и умелый комментатор, она написала много рецензий на книги своих коллег. Чтобы сказать о них доброе слово, не считается со временем и делами и пускается в дальний путь. В областных совещаниях по библиотечным направлениям неоднократно участвовала именно как детский писатель.

Александр ДУДКИН

Стихи прозаика

Марина ГУСЕВА. Бабье лето. Сборник стихов.

– Кадуй-Вологда, «Свеча», 2005 г., 48 с.

Говорят, существует такой жанр – проза поэта. Ну, Мандельштам там. Или Цветаева. Клюев ещё. Пастернак, скорее всего. Есенин, возможно. А вот Пушкин? Нельзя ведь сказать, что «Капитанскую дочку» или «Дубровского» написал не прозаик, а поэт. Их написал – совершенно верно – прозаик. И «Героя нашего времени» тоже не менее великий прозаик. А вот «Из Пиндемонти» и «Зимний вечер» или «Парус» и «Выхожу один я на дорогу...» – гениальные поэты. И это тоже очевидно. Но вот Бунина Ивана Алексеевича, Г.Адамович, вроде бы, поэтом и не считал, а если и считал, то с оговорками. *«Стихи Бунина превосходно написаны. Стилистически они так же безупречно написаны, как и его проза, - писал Георгий Викторович, - ...и всё-таки нет в них чего-то такого, что придаёт иным, казалось бы, обычным словосочетаниям волшебную прелесть».* Нет в стихах поэзии, если другими словами. Но вот всего лишь одна строфа Ивана Алексеевича:

*Я – простая девка на баштане,
Он – рыбак, весёлый человек.
Тонет белый парус на Лимане,
Много видел он морей и рек.*

Сомневаюсь, что ну вот хотя бы по отношению к этому стихотворению прав Г. Адамович. Есть-есть в этих строчках волшебная, да другая, может быть, не имеющая к поэзии отношения, прелесть.

Да и многие другие прозаики или начинали свой путь в литературе со стихов, или же от случая к случаю баловались (балуются) ими. Тургенев, Набоков, Солженицын... И почему бы, коль существует проза поэта, не быть стихам прозаика? Пусть будут. И проза поэта и стихи прозаика.

Но всё же почему? Почему авторы выдающихся прозаических текстов – Марина Цветаева «Повести о Сонечке» (вот как жестоко Д. Святополк-Мирский в унисон Адамовичу писал о Цветаевой в книге «История русской литературы с древнейших времён до 1925 года»: *«Её проза - самая претенциозная, неряшливая, истерическая и вообще самая плохая проза, когда-либо написанная на русском языке»*), О.

Мандельштам «Шума времени», Борис Пастернак «Доктора Живаго» – всё же не прозаики, а поэты? Почему автор отлично сделанного «Листопада» И.А. Бунин и автор «Песни о Буревестнике» М. Горький, по мнению если не большинства, то очень многих, прозаики и только? Или несколько другой пример: у большого русского писателя В.И. Белова получались исключительно беспомощные стихи. Почему поэзия ему не под силу?

Скорее всего, всё дело – в точке зрения, всё дело в том, на каком месте стоит пишущий человек, кем он себя ощущает. Здесь уместна аналогия с судебным процессом. А в случае с Мариной Гусевой уместна полностью и абсолютно.

Судьёй, прокурором, адвокатом, свидетелем поэт быть не может. Поэт внутри. Внутри истории, внутри события, внутри себя. Он или преступник или жертва, он или избивает или ему отбивают почки и выбивают зубы. Да, конечно, он не только обвиняется и защищается, но – и это не редко – обвиняет и защищает, выносит приговоры и сам приводит их в исполнение, но приговоры его не от имени государства или Бога, приговоры не судьи или святого, а отлучённого, отстранённого, преданного анафеме. Самоуправство, самосуд, богохульство. Поэтому формально, с точки зрения закона, морали, поэт всегда не прав. Но закон сиюминутен, изменчив, как погода, не жизнестоек, подвержен влияниям времени и моды. Поэзия же навсегда.

На презентации книги Андрея Широглазова 6 января 2006 года В. Анохин говорил о том, что культура русская держится на середине, а не на крайностях, не на Пушкине и не на Лермонтове, а на таких поэтах, намекал философ, как А. Широглазов. Крайности привлекательны, особенно для юных максималистов, - продолжал он, - но не они сердцевина.

Вначале я вроде бы с этим согласился, сделав поправку на то, что Пушкин никакая не крайность, а та самая золотая середина. Но потом понял, что поэт – всегда крайность. И Пушкин тоже, и Широглазов бесспорно. Поэт всегда и крайность и крайний. И никак не иначе. И не может ничего держаться на поэте – ни государство, ни даже семья, да и он сам не всегда на ногах своих стоит. А вот прозаик – соглядатай. Он оценщик и ревизор. Фотограф и фантазёр. Человек разумный.

Вот именно такая – разумная, добрая, справедливая, знающая правила и правду, меру и место – всех и всему – и в прозе и в стихах – Марина Гусева. Она сострадательный к своим героям прозаик и

назидательный, точный, лаконичный детский писатель. И именно это – дидактику и экстравертный взгляд на мир, упрощение и присутствие другого (любовника, ребёнка, друга) – я и обнаружил почти во всех сочинениях (об исключениях ниже) первой её стихотворной книжки «Бабье лето». Я обнаружил это, и мне захотелось, чтобы Марина Гусева о том, о чём она сказала в стихотворении «Богом такие встречи...», написала если уж не роман, то, по крайней мере, повесть. Хочется услышать не только вопрос «Почему мы врозь, не вдвоём?» (стихотворение «Мы столкнулись с тобой случайно...»), но и ответ на него. Хочется получить объяснения и пояснения, услышать комментарии и толкования, философии и, простите за любовь к порнографии, натурализма хочется. Ведь тому, о чём пишет прозаик, тесно в сонетах и хокку, ему нужно больше слов, больше бумажного пространства и больше читательского времени.

А теперь о двух первых, но типичных стихотворениях «Бабьего лета». Если читать открывающий книжку «Первый поцелуй...», обращая внимание на рифмы и сочетания слов, то невольно приходишь к выводу, что писал его неопытный в стихосложении и стихознании человек. Как будто школьник. Или – как будто – для школьника. Ведь всё просто – наивно и банально, поверхностно и незамысловато. Гроза весенняя, годы школьные, гнездо родное. Слышали, встречали, читали. Но стихотворением этим подведён итог, осмыслен или, по крайней мере, рассмотрен путь от той жизненной поры, когда «да» и есть «да», до той, когда «да» уже чаще всего «нет». Путь от прямого однозначного высказывания до языка Эзопова. Речь ведь не о чудном мгновении, а о большой части человеческой жизни. Но, чтобы сказать об этом убедительно и нефальшиво, стихотворения мало, а в инфантильном лексиконе нет необходимых для этого слов. Может быть, - оправдывая автора, подумал я, - наивность – это, прежде всего, честность, бесхитрость, сила, а всеми нами восхваляемые оригинальность и индивидуальность – хитрость, замаскированные неумелость и слабость.

Второе стихотворение – стихотворение назидательное, стенограмма школьного урока в классе эдак в третьем. Не старше. Ведь всё по полочкам разложено. Любовь, дескать, состоит из света, нежности, ревности, свежести, страсти, радости и мечты, опасностей и сладостей. Мне вот, надеюсь, уже вышедшему из возраста ученика начальной школы, только не понятно, меня только удивляет: зачем ослепляющую, ослепительную любовь ещё и раскрашивать?

Теперь об исключениях, теперь не о стихах прозаика, а о

поэзии. Она, бесспорно, есть и она, что бывает, к сожалению, не так часто, разная.

Жесткое и справедливое, как приговор, чёткое, как шаг строевой, прямолинейное и однозначное, как клятва, короткое, как возглас, стихотворение:

*Нас больше нет.
Мы вытекли слезами.
Так плачет свет
Ночными небесами.
В весеннем поле
Сходит снег на нет.
Так для любви
Нас больше нет.*

То молитва, то мольба, безысходность, отчаяние, беспомощность, но одновременно и умиротворённость, которая вот-вот станет благодатью, заключены вот в эти строчки:

*Сахарный домик медленно тает,
Сладкая горечь во рту.
Ночью любовь уже не спасает,
Медленно тянет ко дну.
Ношею будни ложатся на плечи.
Старится тело, тоскует душа.
Тускло горят ожидания свечи:
Не греют,*

*не светят,
не стоят гроша.*

А героиня стиха «Поёжась, зябко окунулась...» пронизательная, умная, хладнокровная... Такое же и стихотворение получилось.

Марина Гусева, как и в первой прозаической книге «Несостоявшийся рассказ», так и в «Бабьем лете», чаще наблюдает за окружающим миром, чем погружается в собственный, она чаще судия, адвокат или свидетель, чем преступник или жертва. Стихи её, как и рассказы, если не сюжетны, то обязательно идейны. Этим она убедительно доказывает, что она – хороший прозаик, пишущий неплохие стихи.

новый рассказ

Марина ГУСЕВА

Дом на изломе

Около этого дома всегда что-то происходит: то местные бабки рассорятся, то собаки устроят между собой грызню. А когда прошлой зимой в морозы у забора нашли замершего дядю Леню, любившего уходить в беспробудные пьянки, дорога у дома была признана проклятой.

А в проклятиях наша деревня толк знает.

Поползли слухи, что дом стоит на земле бывшего кладбища. Правда, иные местные старожилы утверждали, что кладбище было правее, ближе к лесу, а дом построили у древнего тракта, на котором лютовали разбойники. Житья от них не было честным купцам, да торговцам. Не щадили ни малого, ни старого.

Так или иначе, а ближайшая дорога до местного рынка, куда я бегаю каждый день за продуктами, проходит рядом со злосчастливым домом.

Главное и обязательное – это покупка молока. Летом парное молоко сладко пахнет травами, и я выпиваю пол-литра по дороге домой.

Сегодня жарко, солнце прогрело воздух до тридцати градусов, на небе ни облачка. Трава пожухла.

«Дождя бы!» - бросаю взгляд в выцветшую голубизну неба. – «Ангелы из Небесной канцелярии, вы о нас не забыли?»

В сонном воздухе послышался смешок – короткий и дерзкий смешок. Я огляделась. Никого. Разве что серый кот у обочины сидит и трет лапой шерстяные щеки. Пофыркивая и поуркивая.

- Будь здоров, малыш, - бросила на ходу. – Где ты умудрился простыть в такую жару?

Кот перестал умываться и насмешливо блеснул янтарными глазами.

- Не стоит благодарить, - буркнула я, - потом поболтаем.

Спешить особенно некуда, но и петься под солнцем, глядя даже такого симпатичного кота, как этот, не было никакого желанья.

Дорога вильнула и вывела на пустырь.

Одинокий дом в глубине заросшего бурьяном двора смотрел подслеповатыми окнами.

Никогда не могла определить, есть ли на окнах занавески или цветы на подоконниках - такие непроницаемые стёкла. В других избах всё как на ладони, даже горница видна. И здесь, вроде дом как дом, таких у нас в деревне много. Пятистенок, обшитый тёмсом. Зеленая краска местами начала облезать, через год другой нужно будет красить. И только старая заросшая сероватым лишайником крыша выдает преклонный возраст дома. Да выделяется дощатая входная дверь. Добротно сколоченная, она наводит на мысль, что хозяева въехали в дом, но еще не успели привести его в порядок. Впрочем, ладно крыша – на неё нужно много сил, да и средств тоже – а вот окна помыть можно, даже нужно.

Мои размышления прервали приглушенные звуки, из которых выделялись всхлипывания, шлепки и мат.

У забора возилась местная ребятня.

Опять лупят этого несчастного. Сердце тревожно застучало, руки сжались в кулаки. Я громко закричала и бросилась растаскивать дерущихся.

Кажется, в доме услышали. Дверь заскрипела, на пороге появился серый силуэт, направился в нашу сторону.

Именно он, а не я своими криками, возымел действие над ходом событий. Кто-то крикнул:

- Идет!- и это послужило сигналом.

Куча-мала бросилась в рассыпную. Я попыталась схватить за футболку ближайшего ко мне мальчишку, но он вывернулся и исчез в клубях пыли, поднятой ударающими хулиганами.

Возмущаясь и чихая, я подняла с земли вялого худенького подростка лет десяти. Он не сопротивлялся, бледно голубые глаза не выражали ни боли, ни страха – они равнодушно взирали на мир и, кажется, не видели меня.

- Он в шоке, - сообщила я подоспевшему силуэту, который оказался женщиной, такой же бледной и безучастной, как мальчик. Ее удлинённое лицо, с тонким носом и бескровными губами, указывали на родство с несчастным.

Она не ответила мне, обняла мальчика и повела в дом.

- Нужно сообщить участковому, - я едва поспевала за ними. – Сколько это может продолжаться? Они не оставят его в покое. Мы должны что-то сделать.

Мои слова были оставлены без внимания.

Мы уже подошли к дому, когда дверь его снова распахнулась, и в проеме её возник невысокий коренастый мужчина. Его круглое

курносое лицо было красным, глаза пылали гневом. В руках мужчина сжимал то ли ружье, то ли спортивную винтовку.

- Где они? – его крик рассек воздух и разнесся по округе.

Я представила тикающую ребятню. Конечно, они хулиганы, но чтобы с ружьем...

За мужчиной выбежали две юных девушки и защебетали испуганно:

- Дядя Сережа! Остановитесь! Остановитесь!

Ни мужчина, ни девушки даже не бросили взгляда на прошедших мимо них в дом мальчика и женщину.

Это обстоятельство удивило бы меня, если бы у меня было время подумать над ним. Но мое внимание было полностью поглощено ружьем и возможными последствиями.

- Послушайте!- я попыталась схватить мужчину за руку. – Вас, кажется, зовут дядя Сережа?

Его маленькие глаза, не меняя выражения, сосредоточились на мне.

- Вы ведь не хотите в тюрьму, правда? Они, конечно, хулиганы и их нужно наказать, но это дети! Не нужно забывать о том, что это дети...

После моих слов о наказании дядя Сережа как по сигналу бросился к калитке. На бегу, он выкрикивал грозные слова, и стрелял в воздух. Один, два... пять сухих выстрелов.

- Все. Патроны кончились.

Прозвучал за моей спиной ясный голос. Я повернулась. Говорила одна из девушек, та, что постарше. Очень красивая, высокая, круглолицая и кареглазая.

Ее спутница была ниже, немного полноватой, с мелкими чертами на круглом лице и огромными зелеными глазами.

Они рассматривали меня с интересом, и с каким-то насмешливым спокойствием.

Машинально, пытаясь убедиться в правоте их слов, я взглянула на дядю Сережу. Он бежал около калитки по кругу и сотрясал воздух громкими криками. Было во всем этом что-то театральное. Его изменившиеся намерения успокоили меня, и я снова переключилась на проблему мальчика.

- Нужно обратиться к нашему участковому Синину Павлу Олеговичу,- твердила я девушкам.

Почему я иду за ними в дом? Разве меня пригласили?

Мы зашли, дверь захлопнулась с сердитым стуком.

Я оглянулась и обнаружила за своей спиной крепкого молодого человека. Он не обращал на меня никакого внимания, его равнодушие не распространялось только на дверь. Он встал к ней лицом, всем своим видом показывая своё рвение стража.

Девушки за это время ушли вперед и младшая, видимо, озадаченная моим молчанием, оглянулась. Хищно блеснули ее глаза, или это шутка моего воображения и рассеянного света, струившегося откуда-то с потолка через пыльные стекла.

Какое мне дело до их грязных окон! Я хочу помочь мальчику, уладить его конфликт с деревенскими детьми.

Я не сразу обратила внимание, что комната, в которой мы обосновались за большим, самодельным деревянным столом, не покрытым скатертью, была огромной. Ее своды утопали во мгле, на которую не возникало желание смотреть, не то, что идти туда.

Поглощенная своими мыслями, я объясняла девушкам, сидящим напротив меня, пути выхода из положения:

- Если не поможет участковый, попробуем через школу. Нужно составить список, замешанных в этом безобразии детей...

- Список, - коротко бросила старшая.

Младшая кивнула. Они договорились о чем-то своём, вполуха слушая мои измышления.

- В каком классе учится ваш мальчик? – поинтересовалась я.

Девушки переглянулись. Мой вопрос остался без ответа. В замешательстве я переводила взгляд с одного лица на другое, но они не торопились прервать затянувшуюся паузу.

- Сколько ему лет? - Попыталась я помочь девушкам.

- Неважно сколько ему лет, - младшая терпеливо улыбалась мне.

Старшая склонилась над листом, исписанным убористым подчерком.

Я проследила её взгляд и машинально прочла знакомые фамилии и имена односельчан с датой их рождения – это были данные на детей.

- Зачем это? Откуда у вас этот...список?

- Неважно.

Старшая перевернула лист и улыбнулась:

- Спасибо за участие.

Младшая рассмеялась и сорвалась с места:

- Пока!

Старшая снисходительно улыбнулась:

- Непоседа!

Ко мне кто-то подошел и дернул за рукав:

- Мама, тебя папка зовет.

Сообщив это, мой пятилетний сын вприпрыжку побежал к двери.

Настала моя пора извиниться и попрощаться.

Пробираясь между столами к выходу, я опрокинула пустой стул.

Грохот потревожил храпящего мужчину, он поднял голову и снова уронил ее на руки, сложенные на столе крест на крест. Мне показалось, я узнала в нем усопшего дядю Ленью. Подойти и убедиться в своей правоте - не хватило духу.

Пора выбираться. Я сосредоточила внимание на той двери, за которой скрылся мой сын и, не глядя по сторонам, устремила к ней.

Страха у меня не было.

Дверь оказалась дальше, чем я ожидала.

В зале было шумно, подходили новые люди. Они занимали свободные места. Между столами сновали проворные официантки.

- Бабушка, иди сюда!

Моя внучка сидела за небольшим круглым столом и махала мне рукой:

- Мама с папой просили тебя присмотреть за мной! – щебетала она и на круглых щечках ее явственно обозначились ямочки.

Вот такой же егозой в детстве была и я.

- Ба, я не хочу кушать. Пойдем, посмотрим зверюшек.

Не дожидаясь ответа, она прыгнула со стульчика, взяла меня за руку и повела в глубь зала.

Лавируя между столиками, мы чудом избежали столкновения с одной из официанток. Малышка тянула меня дальше, и я обернулась, чтобы извиниться.

Младшая смотрела вслед нам с ободряющей улыбкой.

Импровизированный зоопарк находился в другом зале и больше походил на поляну в лесу.

Было светло и жарко. Животные занимались своими делами, абсолютно не обращая внимания друг на друга, как впрочем, и на восторженных посетителей.

Малышка восхищенно лопотала. Я смеялась до слез, глядя на возню медвежат: они боролись, кувыркались, забавно карабкались на поваленную березу.

- Баба, киса!

Малышка заметила серого кота. Он ловко миновал ее объятия и юркнул в приоткрытую дверь. Малышка, а за ней и я поспешили

следом.

За дверью тянулся коридор, в конце которого обнаружился выход на улицу.

Я шагнула за порог. У калитки ждал серый кот.

- Прощай, страж Дома.

Молодой человек кивнул. Дверь Дома с глухим стоном закрылась.

Ночью была гроза.

Молния ударила в Дом. Однако никто не пострадал. Сразу после моего ухода, жильцы покинули Дом. Погрузили свои нехитрые пожитки на грузовик и заколотили окна.

Дом ослеп.

Прошло много лет.

Пепелище заросло травой. Я часто прихожу туда и подолгу сижу в тени раскидистого дуба.

Все сбылось, что показал мне Дом в далекие дни моей юности.

Через год вышеописанных событий я вышла замуж, и долгие годы была счастлива.

Наш единственный сын окончил с отличием лётное училище. Женился на милой девушке, ставшей нам дочерью.

Через пять лет они с женой попали в автокатастрофу и погибли, оставив нам на воспитание трехлетнюю внучку.

Муж не смог пережить утраты, меньше чем через полгода ушел следом за ними.

Я живу ради малышки и надеюсь увидеть правнуков. А потом можно и отдохнуть.

Нет, я не боюсь умирать. Смерти нет – я это знаю.

ПРЕДТЕЧА

информационный листок Кадуйского литературного клуба
«СЕМИЗЕРЬЕ»

№ 04

Александр ДУДКИН - идея, составление, макет.
25 августа 2006 года.

Мария МАРКОВА

Весна в ноябре

стихи

Весна придёт, конечно, в ноябре.
Давай же, – вспять – не спать, сидеть на кухне.
И где-то глубоко в земной коре
займётся жизнь и больше не потухнет.

И где-то глубоко – внутри, внутри –
зажатое – расплавится, вольётся
в закрытый рот и вновь заговорит,
новорождённо закричит, забьётся.

Пойдёт трава – на приступ, на простор
простуженный, уже траву забывший.
Цветущих яблонь вороватый вздор
соврёт, соврёт, осыплется на крышу.

И всё вернётся на круги своя.
И будет тесно, будет мало. Мало!..
И всё бери, по-новому края,
затёртое до дыр, своим лекалом...

Легкости, нет лёгкости.
Плавкости нет, ковкости.

Только косноязычие –
Витиевата, вычурно.

Камешки не вынашивать.
Семечки не выщёлкивать.

Каша во рту, каша –
пшённая.

Не разжевать истину.
Будь ты послаще, кислая!..

Взять бы за горло, выстрадать,
пухом гагачьим выстелить,

вылить – равно как – высказать –
мысленно.

Ровно и безболезненно,
словно нигде не резали,

только сшивали – правила,
на ноги снова ставили.

Ну же, иди! Не стой стоймя,
пигалица стоустая!

Вот тебе – к морю – руслами –
Русскими!..

Едва расстались – милая утрата –
минуты – минус бесконечность – ночь.

Из точ-
ки в точ-
ку –
линия –
источ-
ник –
ноч-
ник
и скважины замоч-
ной моч-
ка –
один щелчок.

В руке же – лишь прикосновение взгляда,
и уронить боюсь, как горячо...

Наступит срок и эти крыши
накроет океан, а я
когда-нибудь услышу,
как лира плачется твоя.
И в колыбели океана,
перебирая память струн,
залижет вековые раны
заговоривший кот-баюн.
Печальное многоголосье
историй, коим нет конца
слепцы, утратившие слёзы,
и воду пившие с лица,
распробуют. И соль морская –
мирская боль твоя, тоска –
да будет прянично сладка им,
проста, понятна и близка.
Да будет...

Останется меньше десятка
слов, не имеющих веса.
Кто ты, играющий в прятки
в сумраке синего леса?

Детскими голосами,
радуюсь и пугаясь,
полными слёз глазами,
озером – расплескаюсь.

Кто ты, что страх так сладок?
Тысячи белых лодок.
Невыносимо краток.
Невыносимо долго.

Слишком друг другом полны,
и потому – небрежны.
Невыносимо больно.
Невыносимо нежно...

Мне стали сниться отчего-то
желтеющие тополя,
и озера глухие воды,
и лодка серая твоя.

И тишины не нарушают
ни шум листья, ни плеск весла.
И ночь пугающе большая
меня почти с ума свела.

И я иду к тебе на ощупь,
в полубреду на жёлтый свет,
и удивляюсь скрытой мощи
неназываемых примет.

И узнаю тебя, немея.
И плачу, не узнав тебя...
О неизведанном жалея,
и об утраченном скорбя...

Едва намечена – пунктир –
нечаянная связь.

И чтобы не оборвалась,
не сглазь,
не сглазь,
не сглазь.

Найдётся несколько причин
оставить на потом.

Мы просто не переживём –
с ума,
с ума
сойдём.

Не объясняй событий суть.

Один большой секрет.

Стеснения в помине нет.

Спасенья

тоже

нет.

Так хрупок этот первый мост,
но как «оно» - всерьёз.

Ещё немного, и срослось,

и –

невозможно

врозь.

ПРЕДТЕЧА

информационный листок Кадуйского литературного клуба
«СЕМИЗЕРЬЕ»

№ 05

Александр ДУДКИН - идея, составление, макет.

23 декабря 2006 года.

Александр ДУДКИН

**ОБ ИДЕАЛЬНЫХ РЕДАКТОРАХ,
ГОРДЕЛИВЫХ СОЧИНТЕЛЯХ И
ИХ ОБЩИХ ДЕТЯХ**

Утверждают – и справедливо утверждают, – что всё незаписанное, не положенное на бумагу обречено на быструю и легкую смерть. Память человеческая и народная избирательна, капризна, склеротична. Как застоявшаяся вода со временем приобретает цвет и запах и меняет объем, так и какое-то событие, оставшееся только в памяти человека, постепенно перекраивается, перекрашивается и, в конце концов, умирает. В лучшем случае превращается в туман, дымку, нечто ирреальное – в миф, легенду.

Но рукописи – и тем более книги и альманахи – не горят и не поддаются другим метаморфозам. Они способны, как минимум, воскрешать людей и события. А иногда народы и эпохи – цивилизации. Не записал бы Платон беседы Сократа, не оставил бы Ксенофонт о Сократе воспоминаний, не сделал бы Аристофан его героем своих комедий, может быть, и не знали мы ничего об этом мудреце. Не упомянул бы тот же Платон об Атлантиде, никто бы сейчас не занимался ее поисками. Не будь «Одиссеи» с «Илиадой», не раскопал бы Шлиман Трою. Без «Слова о полку...» не оценивали бы мы так, как оцениваем, Игорев поход.

И что бы представлял собой без бумажного «Семизерья» «Семизерье» - литературный клуб со всеми своими водко- и чаепитиями, поездками и выступлениями, беседами и обсуждениями? Обычный любительский кружок. Говорить в этом случае было бы не о чем, не было бы ни информационного повода, ни предмета критики.

1.

И вот в уже далеком 1995, а затем и в 1999 году семизерцы впервые громогласно заявляют о себе и предьявляют себя, своим словом пытаются противостоять несправедливому глобальному:

*Жизни бешеные ритмы
Нас немножечко пугают.
Новоявленные «битлы»
В уши гвозди забивают!*

*Мир рекламою рассвечен
Ну, а рядом, потяди-ка:
Поминальные жгут свечи,
Отпускает грех владыка.*

В. Кузьмин

Но понимают и принимают малозначительную обыденность. Они ею живут и описывают ее обыденными же, иногда затасканными словами.

*Седьмые сутки нет кота. И тишина и чистота,
Ушел из дома кот. И никаких хлопот.*

В. Борисов

*Собираюсь в баенку да с ядреным венником,
Наподдай-ка в каменку – душу отвести.*

А. Блинов

Бывает, в их стихи врываются народное косноязычие и пустословие толпы: «ведерко помидор» (В. Борисов), «вспоминаем... про «победы» и «беды» и «Чем же старые церкви были нам виноваты» (В. Кузьмин)... Много, как и водится, стихов с «фестиваля выраженья любви» (Н. Буров) и о матушке-природе. Хотя, честно говоря, нет на этих фронтах побед. Любовь для большинства авторов – только умиление, а к природе они относятся потребительски: не могут наглядеться на ее пейзажи, послушать пенья птиц, насладиться хрустящим грибочком и сочной ягодой. И ощущают себя по-прежнему царями лесов, болот и рек, то есть их охранителями, защитниками, преобразователями. Видят в природе нечто беспомощное, безответное, слабое. Видят в ней объект защиты, а не равный человеческой цивилизации субъект:

*Загажено все: и лес, и река, и души людей загажены.
Посмотришь на небо, на облака... Дыры на небе – скважины!*

И ты называешься – человек? И домом зовешь планету?

В. Кузьмин

Вот Т.В. Гоголина удивляется самому обычному, открытому и названному давно. Ее стихи – это навязчивый, шаловливый, простодушный, начальновшкольный урок природоведения.

А «подглядки» за малышкой Марины Гусевой еще раз доказывает не единожды уже доказанное: мыслит карапуз не шаблонно и не по-взрослому, но верно:

*Не виновата я. Или
Лужа уронила, Мама, будь послушной ты.
Мамочка, меня*

Вызывает сожаление только то, что серьезные мысли ребенка рождают у испорченных образованием и опытом пап и мам, дядь и теть лишь снисходительную улыбку.

Но лучшие строки все же не о личных переживаниях, свершениях и умозаключениях, а соединяют это самое личное с общим, с народным. Лучшие строки – это эхо войны, обескровившей русский народ:

*Спит военный городок Снова в чупане мыши,
Кончилась война, снова скрипит сверчок.
Как граната без запала Каплют с морщинистой крыши
Дремлет тишина. Слезы в сырой песок.*

А. Ерохин

Н. Иванова-Писарева

Без авторов, конечно, никакого альманаха не получилось бы. Но главный творец его все же редактор. Это он сортирует стихи и прозу, вчитывается в тексты, перестраивает предложения и выносит вердикт. Это он за все отвечает. Первым семизерским редактором был Ю.М. Леднев. Никогда я с ним не встречался, но потому как скомпонованы отредактированные им сборники, я предполагаю, что человеком он был политкорректным, терпимым и вежливым. Наверное, Юрий Макарович точно соответствовал стихам своим. Спокойствие и умиротворенность, рассудочность и взвешенность свойственны его поэзии:

17 мая 1993 года

Кусты разодеты. Деревья разуты.

Кукушка кукует. И шмель загудел.

Спасибо, о, Боже, за эти минуты!

Я так никогда ещё не молодел...

Я так никогда ещё не был встревожен

Черёмушным снегом зелёной весны.

Спасибо тебе, всеобъемлющий Боже,

За то, что мои исповедуешь сны.

Лишь только с тобою, Властитель живого,

Я снова в миру – Человек и Поэт.

Лишь только с Тобюю мне кажется снова,

Что я проживу ещё тысячи лет.

Иль миг мне отпущен? В том разницы нету.

Я в травах и росах свой срок доживу.

Позволь же, о, Боже, седому поэту

Прилюдно склонить пред Тобюю таву.

2.

Если бы первые два «Семизерья» попали мне в руки тогда, когда они и появились, я бы, наверное, прочитав их и удивившись одному только их выходу в свет, сказал: надеюсь, что все лучшее еще впереди. И надежды бы мои в скором времени оправдались. Вышедшее в 2000 году третье «Семизерье» и на первый взгляд, и на взгляд глубокий стало явлением более значимым, чем первое. Оно уже не усыпляло и не утомляло. А если кто и был убаюкан стихами о природе и любви, рубцовскими в них мотивами и темами, то был разбужен Еленой Михайловой:

Рокот мотоциклов, запах водки,

Мальчики, гитара, жар в крови.

В этих молодежных вихрях сходки

Нежное предчувствие любви.

А старческое ворчание прерывали некрикливые молодые голоса:

Солнце клонится к закату.

В золоте листа.

По водам реки покато

Катится волна.

А как только сядет солнце,

Слышен уток крик.

И рыбачья плоскостонка

По волнам бежит.

Плеск воды, нешумный говор,

Путанка сетей:

«Перетягу подле лодок

Ставьте поскорей».

Ночь пришла, на небе звезды,

Глушь и тишина.

Над сосною одинокой

Светится луна.

Т. Дёшина

Но лучше стихов – проза.

Семизерская проза – это русская проза – исконная, кондовая. Продолжающая традиции классической литературы. Щемящая, светлая, чистая, очищающая, всамделишная, живая.

Вряд ли тетерев-одиночка, лесной пожар, да и лесные люди – главные действующие лица рассказов Александра Дёшина – в произведениях других

авторов таковыми могут быть. Разве что служить фоном, на котором разыгрывается спектакль, разворачивается сюжет, или же пройти мимоходом в каких-нибудь лирических отступлениях. А в прозе Дёшина быть могут, и его положительный герой – человек, который перед природой не «выделяется», не возносит себя над ней (Верес из «Лесных островов»), и именно такой человек борется с тем, кто себя в лесу чувствует главным, с тем, кто противопоставляет себя соснякам да березнякам, болотцам да озёрам (Мокрец). Не всегда побеждает (косач из рассказа «Люди и птицы»), но правым, не смотря на это, остаётся.

А вот Марина Гусева, о чём бы она ни писала и для кого бы она ни писала, почти никогда не забывает о детях. Именно они – Ксюша и Санька, Виталик и Дима, и именно такие – хныкающие и насупленные, серьёзные и беззаботные, остаются в памяти читателя, и именно то, что случается с ними, заставляет говорить о взрослом мире как о несправедливом и жестоком, безжалостном и извращённом.

Людмила Шарина пишет о многом и по-разному: сентиментальные рассказы и фантастические, с сюжетом детективным и рассказы-вздохи, рассказы-сетования. И у неё всё это получается. Но её героини обычно находятся в диалоге, в борьбе с собственной судьбой. И побеждает, как правило, судьба. Иначе говоря, человек одерживает победу над самим собой.

Дёшин, Гусева и Шарина – три главных семизерских прозаика, три, простите за пафос и громкое слово, мэтра... И они сами и их героини не соглядатаи в этом мире, а участники, деятели, жители. И таким же: не только наблюдающим, но и участвующим, не только потребляющим, но и творящим – был редактор третьего и четвёртого выпусков «Семизерья» Евгений Васильевич Кутузов. А редактором он был идеальным, о таком, наверное, мечтает каждый пишущий. Он сам ни стихи, ни прозу не правил, он только указывал на то, что нужно переписать или исключить, и объяснял, почему это надо сделать. «Я за тебя сочинять что ли буду?» - негодовал, бывало, Евгений Васильевич, видя чью-то то ли беспомощность, то ли упрямство. Разбирая вместе с автором его творения, он любил, например, в моём случае, «дойти до сути». «А ты откуда знаешь?» - возмущённо спрашивал он, прочтя моё утверждение о мздоимстве больших начальников. «Ну я не знаю, конечно, я только догадываюсь» - отвечал я. «Вот-вот, - понижал голос Кутузов, - ты не знаешь, а я-то знаю, и видел даже».

Бескомпромиссным, напористым, говорливым, жаждущим общения, иногда безапелляционным, жёстким, агрессивным, но с понимающим взглядом, полным участия и доброты – таким я однажды увидел и таким я навсегда запомню идеального редактора Кутузова.

ПРЕДГЕЧА

информационный листок Кадуйского литературного клуба
«СЕМИЗЕРЬЕ»

№ 06

Александр ДУДКИН - идея, составление, макет.
23 декабря 2006 года.

Александр ДУДКИН**Из-за ста рублёв****сетование**

Незнание, видите ли, закона не освобождает от ответственности за его нарушение или неисполнение. Я всегда внутренне не соглашался с этим юридическим постулатом, с этой юридической аксиомой. Но возразить ничего не мог. Вроде бы всё понятно – укради я у кого-нибудь что-нибудь, я обязательно, не смотря ни на что, должен быть наказан. А как иначе? Иначе – плохо, совсем-совсем плохо. Но причём в этом случае незнание закона? Покажите мне того, кто искренне считает воровство не преступлением. Не покажите. Ни за что не покажите. А если покажите, то приведёте считающего так из дома сумасшедшего.

Но грабёж и убийство, не переставая оставаться злодеяниями, могут ведь быть, прости Господи, законными. Только называют законные грабёж и убийство почему-то конфискацией имущества, раскулачиванием, национализацией, смертной казнью или священной войной... То есть, если человек убивает законно, то он и не убийца вовсе, а, в лучшем случае, палач. Обычно же мы называем его обыкновенным исполнителем воли государства, вердикта суда.

А если человек законно грабит, то он не мародёр, не грабитель и даже не воришка какой-нибудь, а, допустим, мытарь, налоговый инспектор, судебный пристав... У того, кто отнимает от имени и по поручению государства немало и других кличек, которыми носители оных гордятся и хвастаются.

Так вот с точки зрения закона убийство в одном случае преступление, в другом же – им считаться не будет. Но и тут надо оговориться: в исторической перспективе любая, думаю, казнь, совершенная властью, будет этой самой Историей осуждена.

Осудила же Русская История Николая I за законную казнь декабристов, которой предшествовало формально её (казнь) и его (Николая I) оправдывающее следствие. Осудила же, продолжает и продолжит, надеюсь, осуждать Ленина-Сталина за вполне законные, правовые, одобренные на бумаге раскулачивание и другие репрессии.

То есть с точки зрения Истории (Бога, если хотите) убийство всегда есть убийство. И всегда осуждено будет. Если не здесь и сейчас, то там и тогда. А уж в вечности и везде – точно. Никаких сомнений в этом быть не может.

Но хватит о глобальном, хватит о том, в чём мы все специалисты. Давайте о мелком, низменном, никчёмном... Давайте поговорим о том, с чем мы сталкиваемся постоянно.

Несколько лет назад власть наша удумала обменивать паспорта. «Вот, посудите сами, - с пеной у рта втолковывали представители властей подопечному народу, - Союза ССР уже лет десять как не существует, а паспорта-то его до сих пор в ходу. Не порядок это, надо в целях безопасности и наведения порядка, престижа ради и свои иметь». Надо, так надо. Только почему не за счёт власти (ей же, в конце концов, надо), а за счёт граждан всё это проделывать? И обмен паспортов походил не на решение общественной и государственной – насущной задачи, а на обыкновенную коммерческую проделку. Фотографы и милицейские чиновники, полагаю я, остались не в накладе.

Или вот согласно закону (или инструкции, кто его знает) и коллективному договору работающий в той или иной организации должен получить какую-либо сумму при каких-либо обстоятельствах. Почему, чтобы получить эти деньги, он должен ещё написать заявление, то есть пойти на поклон к начальству и власти? Почему бухгалтерия автоматически, без каких-либо дополнительных бумажек, не может выдать эти деньги? Любят-любят наши вертухаи, чтобы у них что-то слёзно клянчили. Только так я могу объяснить необходимость предоставления подобных писул.

И вообще, тысячи, похоже, российских законов предписывают гражданам российским пред российским государством отчитываться, вынуждают мелочь какую-нибудь у него коленапреклонённо просить – предъявлять разные бумажки: ордера там на жильё и землю, справки о составе семьи, бюллетени, чеки, паспорта... И декларацию налоговую тоже.

Вот о ней-то в моём случае и речь.

В 2005 году и в году 2002-ом я имел неосторожность официально продать Кадуйской библиотеке несколько своих книжек. Но в году 2003-ем мне налоговая инспекция никаких требований не предъявляла, а в 2006-ом 25 июня в срок до 10 июля обязала представить ей налоговую декларацию.

Значит, в 2003 году этого я мог не делать, подумал я, в 2006-ом почему-то обязан. Ну ладно, продолжаю думать я, законы-то у нас какие? Живые! Изменчивые, изменяющиеся. Сегодня не надо, завтра обязан. Сегодня смерть, завтра помилование. Сегодня хуже и гаже тебя нет никого на всём белом свете, завтра ты ангел чистейший.

И буквально на следующий день после получения мною письма из налогового органа я, не смотря на определённые траты денег и времени, сделал то, что требовала от меня чиновница, пардон, советник налоговой службы 3 ранга С. В. Полянская.

Но спустя месяца полтора, к удивлению своему, получаю я из той же инспекции налоговой службы № 8, от той же Полянской С. В. решение о привлечении меня к налоговой ответственности, то бишь требование заплатить штраф в размере ста рублей, за то, что я кормилице нашей, налоговой инспекции родной, предоставил налоговую декларацию не в срок до 30 апреля, а только 10 июля.

Заплатить и забыть – первое желание, возникшее ещё во время разглядывания налоговых документиков. Сто рублей ведь не деньги. Государство же вмиг раздавит. Вот уже сейчас смеет угрожать: если не заплатите, плачется оно, обязательно обратимся в суд и заплатить заставим. Страшно, аж жуть! Но добровольно заплатить этот штраф, значит, согласиться с несправедливостью (ну и что, что с законной, но с несправедливостью же), значит, себя самого своими же действиями унижить и предать... И потом, продолжал я уговаривать себя не платить штраф, я как-то в последнее время спокойно и размеренно живу. Толстею и глупею. И поэтому угрозу эту надо воспринимать не как угрозу, а как Божью милость и помощь. Весело, но безопасно. Смешно, но дёшево. И адреналин, какой-никакой. Короче, уговорил я себя: не заплатил и забыл.

Но в конце января 2007 года мне напомнили: от мирового судьи пришла повестка явиться на заседание суда 7 февраля. «Ну что, - говорил я себе, рассматривая присланные мне из суда бумаги, - что хотел, то и получил. Но защищать-то себя как-то теперь надо? Надо. Ну вот и действуй».

Первым делом я отыскал налоговый кодекс, прочитал и попытался понять (думаю, что безуспешно) те его статьи, на которые, штрафую меня, ссылаются налоговые чиновники. Ничего не поняв, понял только одно, что и за 2002 год я, скорее всего, должен был сдавать налоговую декларацию. Если не должен был за 2002-ой, то, если логически рассуждать, не должен и за 2005, так как ничего в этих статьях с тех пор, похоже, не изменилось.

«Ура!» – прошептал я. Должен был отчитываться, но налоговики от меня ничего почему-то не требовали. Значит, они скорее неосознанно, чем сознательно, скорее бездействием, чем действием, ввели меня в заблуждение. И почему за чужие огрехи платить штраф должен я? Если государству моему так необходимы эти 100 рублей, то, если, конечно, по справедливости, их должны заплатить налоговый орган или лицо его представляющее.

«Ха-ха-ха», - продолжал шептать я и накатал вот такое ходатайство мировому судье, наделав, наверное, из-за неуверенности в себе, кучу орфографических ошибок:

Ваша честь, прошу запросить у межрайонной инспекции ФНС России № 8 по Вологодской области следующие документы:

- налоговую декларацию по налогу на доходы физических лиц Дудкина Александра Анатольевича за 2002 учётный год;

- в случае если названная выше налоговая декларация не была предоставлена в оговорённые законом сроки, то требование о предоставлении декларации о доходах за 2002 год и расписку в его получении;

- в случае если названная выше декларация не была затребована у Дудкина А.А., то справку, в которой были бы названы причины, по которым она не была затребована.

И пошёл с этим хода(о)тайством к мировому судье. Там я вынужден был иметь дело с тремя женщинами. Так получилось, что в первый раз я оказался в приёмной судьи в обеденный перерыв. Но там, не смотря на это, сидела какая-то девушка и я попросил её принять моё заявление. Она сначала разглядела его, а потом отказалась его принимать, сославшись на то, что сейчас обеденный перерыв и она здесь никто, вот придёт заведующая канцелярией и она-то всё и решит. А пазеть тогда было зачем, любопытства ради что ли? – хотел сказать, но не сказал я. И стал объяснять ей, что приехал издалека, что меня ждёт машина. «Ну и что, - ответила она, - надо звонить было, прежде чем в путь кидаться». «По-моему, - в сердцах произнёс я, - суды у нас существуют для народа, а не против него». Девушка смутилась. А я

пожалел, что сказал ей это.

Через полчаса я опять был в канцелярии. Смутившейся девушки там уже не было, а вот заведующая канцелярией присутствовала и болтала по телефону. Пришлось минуты три терпеливо ждать пока она всласть наговорится о своём родном и сугубо личном. Потом она зорко и свысока разглядела моё заявление, не спеша нашла в сейфе заведённое на меня дело, внимательно его полистала и надменно произнесла, что это ходатайство к существу дела не имеет никакого отношения и принято быть не может. А я стал настаивать, что имеет и принято быть должно. «Ну вот сейчас судья придёт, - ехидничала заведующая, - ей это и доказывайте».

Минуты через три закончился обед у судьи. После того, как она зашла в свой кабинет, она невыносимо долго готовила себя к работе. Затем позвала к себе. И стала доказывать то, что доказывала минут 15 назад заведующая канцелярией. И вела себя точно так же, как вели себя и заведующая канцелярией и смутившаяся девушка (честь и хвала ей за это! Девушке – честь и хвала – за то, что смутилась. А не судье и не за то, что вела себя точно так же как заведующая канцелярией): принимала меня в штыки, злилась, что-то выговаривала, укоряла, но присесть не предложила. Я ей говорил, что суд от любого гражданина, тем более от ответчика, обязан принимать любые заявления. «Так уж и любые», - усмехнулась она. «Любые, - продолжал настаивать я, - в конце концов я ничего такого и не требую, я хочу только одного: или принять моё заявление или письменно отказать в его приёме». «Хорошо», - согласилась судья и положила моё хода(о)тайство себе на стол. В ответ я протянул ей второй экземпляр этого заявления и попросил отметить, что оно принято. «Тогда, к секретарю», - сказала судья. Секретарь надменно поставила в правом нижнем углу синенький штампик. А я, не смотря на агрессивных и надменных представителей государства, был доволен. В очередь первую доволен собой. Во вторую, конечно же, судьёй. За то, что она оказалась именно такой – противонародной. Иначе как бы я с ней стал воевать? На внимательное и человеческое отношение к тебе разве можно бранью ответить?

Второй визит в канцелярию мирового судьи был непродолжительным. Заведующая принимала моё второе ходатайство, как и прежде, что-то выговаривая, укоряя, дескать, мешаете работать солидной конторе, пожалели каких-то сто рублей, а мы тут, из-за жадности вашей, большую кучу бумаги извели, потеряли не один

десяток минут драгоценного и государственного времени, при этом постоянно ссылаясь на какие-то, надо думать, многочисленные законы. Из того, что она сказала, я ничегошеньки не запомнил и, тем более, ничегошеньки не понял. Но, ставя синенький штампик в правом нижнем углу моего заявления, заведующая в сердцах произнесла: «В следующий раз на выборах, прежде чем голосовать, хорошенько подумайте, за того ли голосуете». «А я вот уже десять лет ни на какие выборы не хожу», - с гордостью за себя ответил я. «Ну вот и плохо», - оценила напоследок меня заведующая канцелярией.

Во втором своём ходатайстве я просил судью обеспечить явку на суд налогового инспектора 3 ранга, потому как налоговая инспекция в своём исковом заявлении просила рассмотреть это дело без её представителя. У меня, видите ли, возникло несколько, наверняка, глупых с точки зрения разбирающихся во всём этом нагромождении юридических правил, вопросов.

Вот в статье 119 налогового кодекса, хотел спросить я, говорится, что сумма штрафа начисляется на сумму налога, которая подлежит уплате после предъявления налоговой декларации. Но никакой суммы налога уплачивать было не нужно. Тогда налоговая инспекция начисляет штраф на то, чего нет и не могло быть? Не абсурд ли это? И не уравнивает ли налоговая инспекция (про закон не говорю, так как не понял) того, кто не уплатил 2000 рублей (а доход получил раз в десять, предполагаю, больше) с тем, кто никакого дохода не получил и ничего государству был не должен, кроме предоставления десяти никчемных бумажек?

Вот, хотел спросить я, в 2002 году я тоже продавал книжки, но никакая налоговая инспекция ничего от меня не требовала. Почему?

Вот, хотел спросить я, согласно тридцать второй статье вашего кодекса, вы среди населения обязаны проводить разъяснительную работу. Почему со мной лично никогда никто ни письменно, ни устно не беседовал? Почему требование о предоставлении налоговой декларации было послано мне в начале июля месяца, а не, хотя бы, в апреле? Тогда я бы ничего бы и ни за что бы не нарушил. Почему налоговая инспекция делает всё (точнее, не делает ничего), чтобы я нарушил её законы? У неё что, есть план по сбору штрафов?

И вообще, хотел спросить я, на основании чего налоговая инспекция выставила мне требование о предъявлении налоговой декларации? Не на основании ли имеющихся у неё данных о полученных мной деньгах? Тогда, простите меня, какой вообще смысл в налоговой декларации, раз и без неё налоговикам и так всё

известно? Не все инспекторы работой что ли обеспечены?

А если бы я не предоставил налоговую декларацию, хотел ещё просить я, что бы тогда было?

7 февраля судья Кононова Н. Р. отклонила первое моё ходатайство как не имеющее никакого отношения к делу. «Ну, мало ли что пять лет назад было», - между делом заявила она. Второе же она решила удовлетворить, так как я настаивал, но, давая понять мне, что жалеет меня несмышлёного и заботится о толщине моего кошелька («Ведь ещё раз приехать нужно будет», - одновременно сочувствовала она мне и укоряла), предложила довольствоваться местными специалистами, а не теми, кто меня непосредственно штрафовал.

Местных специалистов я ожидал в коридоре. Не скоро появились две женщины. «Из-за каких-то ста рублёв», - сетовала одна из них, медленно проходя мимо меня. На заседании суда, которое продолжилось минут через пять после появления двух женщин, в ответ на мои вопросы одна представительница налогового органа что-то неумело искала в своём толстенном кодексе и говорила мало и редко, вторая же, напротив, говорила и говорила. Я от такого обилия слов ничего не понимал, и под конец её рассуждений и не старался понимать. И, уже не слушая, я вспомнил чьи-то слова: не знающий что сказать, говорит, обычно, много. И долго. Это меня немного утешило. И я улыбнулся. И только, прочитав решение суда с листа, я понял, что эти две женщины сумели убедить суд в том, что их организация и они лично разъяснительную работу с населением проводят согласно закона (так в тексте решения), и что я сам должен был в налоговую инспекцию за разъяснениями явиться, а не ждать милостей от природы, пардон, от государства.

Получается, что прав был я, когда мимоходом упрекнул девушку, будущего секретаря открытого судебного заседания, в котором я был ответчиком, в России так: не государство для людей, а люди для властей.

Итог таков: я вместо того, чтобы умирить свою гордыню, наплевать на своё достоинство и не быть таким жадным, вместо того, чтобы заплатить жалких сто рублей, расстался, думаю, в общей сложности с не менее чем тысячьо рублями. Законы в нашем царстве-государстве не позволяют гражданам этого государства с ним судиться. Себе дороже, не выгодно, а иногда, предполагаю, разорительно.

Завершая заседание, судья, соблюдая все формальности, спросила, есть ли у меня ещё что добавить. И я сказал: «Штрафовать

меня, может быть, и законно, но совершенно несправедливо. А справедливость, как хорошо известно, превыше закона. Справедливость и должна быть Законом. Но я нисколько не огорчусь и в том случае, если суд меня признает виновным в этом страшном преступлении. Я, наверное, даже хочу, чтобы суд заставил меня заплатить штраф. Так как считаю государство российское антигуманным, жестоким государством. Государством-зверем. Государством-монстром. Поэтому решение суда не в мою пользу будет, я уверен, ещё одним, да ничтожным, но доказательством этому. Мне же никак не хочется менять своего мнения о своём государстве. Если государство античеловечно по своей сути и сущности, то и подданный этого государства имеет право быть антигосударственником. И, в частности, вообще не платить этому государству налоги».

Продолжение, увы, следует.

ПРЕДТЕЧА

информационный листок Кадуйского литературного клуба
«СЕМИЗЕРЬЕ»

№ 07

Александр ДУДКИН - идея, составление, макет.
«Предтеча» в Интернете на сайте Вологодского отделения Союза
русских писателей по адресу: www.vospr.narod.ru

E-mail: a_dudkin@nwgsm.ru

06 марта 2007 года.

Мария Маркова БИЕНИЕ СЕРДЦА

поэма

Немного о чувствах.
О чувствах чуть-чуть.
Телесное русло.
Горящая грудь,
вместившая сердце –
краёв не найти.
И некуда деться
от сердца в груди.

Дробь
барабанная
так глубока.
Ранена.
Ранена.
Наверняка.

Марш.
Палочки.
Тук-тук.
Девочки,
мальчики –
встаньте в круг!

Милые шалости.
Щёки горят.
Вот ещё новости!
Что говорят!

Что говорят –
сарафанная почта.
Сплетни в ряд.
А это точно?..
А вам откуда
о том известно?..

Такое блюдо –
без сплетен пресно.
И вот те крест...
Мне о том – соседка...
Остро.
Едко.
Метко.

Нет бесплоднее
тех потуг.
Да не отняли!
Тук.
Тук.

Как по округе
весть разнесена.
Сердце бьётся.
Сердце бьётся.
Стук
его кратен
двум и украдкой
мною он украден,
спрятан в тетрадку.
И между строк –
стук –
ток.
Тук – тук – тук.

Кровь разгоняя,
по венам несётся
гжучее солнце,
жаркое солнце.
Сердце стучится.
Бьётся, бьётся.

Остановить его
не удаётся.

Заговорить его
нечем. Остынь!
Белое пламя
белой звезды.
Тысячи лет
световых в темноту.
Выхода нет.
Тук.
Тук.

Своре собачьей –
нежную плоть.
Плачет. Плачет.
Свет льёт.
Не поддаётся.
Ату! Ату!..
Гордое сердце!
Тук.
Тук.

Азбуки Морзе
порывистый ритм.
Прятаться поздно.
Слышишь? Замри!
Остановись и
замри на лету.
Глупые мысли.
Тук.
Тук.

Пол дощатый.
Гитарный бой.
Пальцы сжаты.
В струне – огонь.
Звук змеится.
Стучит каблук.
Злится. Злится.

Тук.
Тук.

Под подолом –
колокол.
Бом!
Дай мне воли!
Об пол – лбом!

То – стучится
в моей груди.
Что случится –
не приведи...

Тесно, душно!
Темно вокруг!
Выбьет душу!
Тук.
Тук.

Узок пояс
голодных рук.
Во весь голос –
тук,
тук!..

Туки – туки.
Тебе водить.
Туки – туки.
Забыть. Забыть!

Как калека –
всё вон из рук.
Тук.
Тук.
Тук.

А не спится
по чьей вине?!
Так – стучится

оно во мне.

Что случится –
не приведи...
Словно птица
в моей груди –
Рвётся, рвётся.
Шире – круг.
Птица бьётся.
Тук.
Тук.

Ай – ни пуха!
Прицельно бить.
Даже мухе
не проскочить.

Гон и голод.
Натянут лук.
Птичий гомон.
Тук.
Тук.

Бить наотмашь
со всей руки.
Стук животный:
беги, беги!

Стук в живот мне –
горяч, упруг.
Взять щепотью.
Тук.
Тук.

В колыбели
моей груди,
Что мне пело?
Буди, буди!

Спозаранку

на поле плуг
входит в ранку.

Тук.

Тук.

Поднимает
шутя пласты.
Маюсь, маюсь –
до темноты!

В темноте же
в моей груди
мысли те же –
не береди!

Заколотит
упрямый звук.
Больно. Плотно.

Тук.

Тук.

Что сказали?!
Напели – что?
Мало! Мало!
Не то! Не то!
Этим сердце
не оправдать.
Ай, да сердце!
Кому отдать?
Кто за грошик?
Бери, бери!
Мой хороший,
не прогорит.
Стоит дельце
и пяточка.
Сердце, сердце!
В бока, в бока!
Бьётся, бьётся!
Об рёбра – звон.
Рвётся, рвётся –

вот, вон!..

Дай мне нить и
я путь сплету.
Выйди! Выйди!

Тук.

Тук.

Скатерть белая.
Даль светла.
Что я сделала!
Что сплела!
Многоточия
так легки!
Петли – строчки
летят с руки,
оппадают,
врастают в пол.
Таёт, таёт
тугая боль.

Сладким именем
боль во рту.
Не кляни меня.
Тук.
Тук.

Отвори окно –
ливнем свет.
Как горит оно!
Спасу нет!
Говорит оно.
Языку –
перевода нет.
Тук.
Тук.

Голос ласковый.
Спелый мёд.
Сплетни – сказками.

Кто поймёт?
Разговорчики.
Шёпоток.
Укусить бы, да –
локоток.

Тьма – незнающим.
А в меня –
врос сияющий
сноп огня.
Всем на зависть
при свете дня.
Расступайтесь –
плесну огня!
Жарко пламя.
Не потушить.
Сердце – рана.
Болит. Дрожит.
Кровоточит.
Набатом бьёт.
Мироточит.
Поёт, поёт!..

Льётся, льётся –
искрится звук.
Тук.
Тук.
Тук.

Как да вышла я
с утречка.
Как да вышла
облачка.
Белым облаком –
белый дым.
Одиноким да
молодым.
Боль сердечная –

со стежка.
Речка встречная –
широка.
Где мой север да
где мой юг.
Лебеда – беда.
Тук.
Тук.

Никакой водой
не осилить жар.
Да и чёрт с тобой!
Ничего не жаль!
Где мой милый да
где мой друг?..
Неделимы – мы.
Тук.
Тук.

Муза пришла в воскресенье под вечер.
Скинула обувь, и, звякнув бутылкой,
Муза внесла свои светлые плечи,
банку консервов и гнутую вилку.
Муза пила не спеша, и со вкусом
рылась в оранжевой молотой кильке.
Муза читала на ломаном русском
долго и грустно немецкого Рильке.
Счётчик мотал киловатты и годы.
Время стирало добытые камни.
Муза смотрелась в прозрачную воду,
горькую водку в гранёном стакане.
Розовый пепел роняя на блюде,
Муза трясла золотыми кудрями.
Муза врала, обещая вернуться
с новой бутылкой и вещими снами.
Муза ушла незаметно и просто.
Тени сплелись полумраком в прихожей.
Где-то горели воспетые звёзды
тощим бродягам и поздним прохожим.

ПРЕДТЕЧА

информационный листок Кадуйского литературного клуба
«СЕМИЗЕРЬЕ»

№ 08

Александр ДУДКИН - идея, составление, макет.
«Предтеча» в Интернете на сайте Вологодского отделения Союза
российских писателей по адресу: www.vospr.narod.ru
E-mail: a_dudkin@nwgsm.ru
28 марта 2007 года.

Ульяна СОТНИКОВА

Танго дождя

Стихотворения

Танго дождя

Танго дождя. И гроза.
Плачут опять небеса.
Слышишь, как в ритме горячего танго
Каплями бьют голоса.

Снова назад поворот.
Времени водоворот.
А по карнизам хрустальное танго
Облако серое бьёт.

Пламенем синим закат.
Разовым солнцем закат.
Словно в капкане дождя из тумана
Город усталый объят.

Дальше – большая луна
После такого дождя.
Я приглашаю на гжучее танго.
После – одна тишина.

Время

Время, остановись на миг.
С теми, кто слышит этот крик,
С теми, кто у меня в душе,
Время, дай попрощаться мне.

Дай мне счастья один глоток,
В душу чистой воды исток.
В сердце солнца горячий луч.
В разум дай синеву без туч.

Знаю, там позади меня
Столько горя, обид и зла.
Дальше будет всё та же грусть,
Будет сердце щемить и грудь.
Будут снова одни мечты
Вместе с горечью пустоты.
Те же будут надежд огни,
Снова ад нереальности.

Время, остановись на миг.
Слёзы – дай мне забыть о них.
Жаль, только закрыв глаза,
Время остановить нельзя.

Закрывая глаза

Утонуть среди хлопьев прозрачного снега,
Закрывая глаза не на миг, а на вечность...
Раствориться былинкою в капельках ветра
И шагнуть за пределы миров в бесконечность.

Там в любимых глазах прочитав своё счастье:
Отраженье несбывшихся детских мечтаний –
И хотя бы на миг позабыть о несчастьях,
Всё живущих осколками воспоминаний.

Лишь потоками страсти убитое время
Тем же острым осколком в душе растворится,
Только жаль, что в минутах его не измерить –
Каждый миг, словно век, нескончаемо длится.

Белоснежный узор в замороженных стёклах,
Только нет ни тепла, ни приюта за ними.
Я ресницы устало и тихо захлопну,
Чтобы снова во сне прошептать твоё имя.

Ему

Я буду пылающим небом
В закате усталого дня.
И утренним лучиком света,
Который разбудит тебя,

Я буду в улыбках прохожих,
И в шуме машинных колёс,
И мартовским днём непогожим,
С утра задохнувшись от слёз.

Я буду весенней капелью,
Людей растопившей сердца,
И белой луны колыбелью,
Баюкающей небеса.

А ты?.. Ты почувствуешь вскоре,
Как плохо тебе без меня.
Но знай, без любви не приходит
Красивая эта весна.

Ты прав...

Ты прав: не нужно торопить судьбу.
Ступать на пятки впереди идущим.
И всем кричать: «Постойте!» - на бегу.
И быть всегда по жизни отстающим.

Ты прав: живём мы только один раз.
Ловить мгновенье нужно в настоящем.
И жить мечтой, когда мечта у нас
Несбыточная вера в чьё-то счастье.

Ты прав, что деньги не для дураков.
Они растут, цветут и всех преображают.
Но ведь за деньги не купить любовь –
И я, и ты, и все мы это знаем.

Ты, знаешь, прав: не нужно повторять:
Любовь... любовь... да к чёрту эту глупость!
Ведь без взаимности всё это зря –
Пустые буквы, фразы – суета и тупость!

А слёзы проглотить, запрягать глубоко!
У нас терпеть не могут пессимистов.
Ты снова прав: зачем любить того,
Кто в твою дверь без гордости стучится.

ПРЕДТЕЧА

пресс-релиз Кадуйского литературного объединения
«СЕМИЗЕРЬЕ»

№ 09

Александр ДУДКИН - идея, составление, макет.
«Предтеча» в Интернете на сайте Вологодского отделения Союза
русских писателей по адресу: www.vospr.narod.ru
E-mail: a_dudkin@nwgsn.ru
16 июня 2007 года.

Алексей ПИДЖАКОВ

Метафоры судьбы

стихотворения и эссе

Голос дождя навевает сон
Мысли впитал жадный жёлтый песок
иду по распутице без направления,
без смысла, а цель – продолженье движенья.

Горизонт, утратив зыбкость, в кубок неба льёт прохладу
Задыхающийся ветер ловит зарево заката
Истончаясь, тени-стрелы устремляются к востоку, -
И с песка времён стирают след старательные волны.

Тот, кто идёт по обратной стороне,
не жив и не мёртв, не зряч и не слеп,
не спокоен, не потрясён,
ибо жизнь для него только сон,
ибо он от неё отречён.
К своей тени навек приручён –
как воин в поле
 обречён на одиночество
как затворник тревожный
 обречён на творчество.

Ищу тишины... Души гложут от шума
и, значит, им легче выслушивать фальшь...
Мы мстим за щету нашей жизни бездумной –
подобие мудрости, смысла муляж...
Когда мир крошится – молчать невозможно,
и мы имитируем творческий жар,
и ложь защищаем в крикливых обложках –
в тихой глуши грустно смыслы шуршат...

Странник обречён на отречение,
ибо выбрал путь, а не причал.
Наблюдаю жизни отраженья
в крошеве раздробленных зеркал.
Руны граней мир преобразают,
раня совершенством простоты...
Мы – не берега, а лишь мосты.
Мы в самих себя не проникаем.

ПОДРАЖЕНИЕ ВЛАДИМИРУ ЛЕВИ

Я трепещу – от со-прикосновенья,
от со-причастности... К пределу Тайны Тайн
обычное приводит заблужденье...
Душа, бояться жизни перестань!..
Иди сквозь сумрак – лишь в преодоленьи
растёшь ты... Об уюте позабудь:
опасен плен блаженства. Нам сомненье,
как компас, помогает не свернуть
на ложный путь сведенья мирозданья
к собранию искусственных основ...

Скоро мир кончится.
А что потом будет, неизвестно.

Прямые ловко пересекают моё сознание
Я где-то мысль потерял – выпала из головы.
Теперь, хожу, ищу,
Теперь молчу, думаю...

Выбросите пустоту –
это будет ваше не-я, это будет ваше «вы».
Сбросьте свои сухие листья.
О, как они красиво упадут,
как таинственно затлеют
вспыхнут, сгорят, обратятся в пепел.
и как они выйдут из него,

и как все поклонятся им...

Мне жаль, что я не мысль,
Не упругая и мягкая вода.
Я хочу раствориться в этой тишине,
потрясённый закатом.
Где твоё прошлое тело?
Что твоё вчерашнее дело?
Скоро мир кончится.
Изогните свой ум!
Скоро весь мир кончится –
изгоните свой ум.
Не пойте с чужого голоса, не говорите, но вас услышат.

Всё давно сторело, пылью покрылось, на осколки разбилось, всё тлен.

Мерно с дерева листья падают
капли медленно капаят
мои мысли срываются наутёк в пустоту
Созерцая простор.

МЕТАФОРЫ СУДЬБЫ

эссе

Мне бы хотелось вкратце рассмотреть, как изменялось представление о судьбе. Для этого вспомним некоторые метафоры, свёрнутые символические описания. Во многие эпохи и у многих народов хозяева, вернее, хозяйки судеб представлялись Пряжами (общеевропейский образ, напр., др.-греч. Парки, др.-сканд. Норны и т.д.). Это позволяет выделить следующие представления:

1) человек не признавался творцом своей судьбы, его вели некие безликие силы;

2) судьба представлялась данностью, ср. др.-греч. «лишь смерть придаёт жизни законченный вид», судьба воспринималась чем-то целым неким объектом.

Следующие две метафоры являются специфически европейскими. Они возникли в условиях не характерных для какой-либо иной цивилизации. Это образ, увековеченный Шекспиром («весь мир –

театр, и люди в нём – актёры») и собирательный образ бунтаря. Возникший в эпоху романтизма, но развернувшийся в полную силу в XX веке.

Поначалу сравнение жизни с театром кажется очень верным. Особенно с театром шекспировского времени, восходящему к комедии дель арте (театру масок), где текст чем-то застывшим и спектакли могли сильно различаться и сюжетом. Однако маске-личине далеко до личности. Театр жизни, где актёр выполняет функцию – роль, может лишить его внутреннего содержания и ведёт к неизбежным психологическим травмам.

Но ещё трагичнее удел бунтаря-одиночки, и даже группы бунтарей, объединённых лишь общим противником. Человек, окружённый враждебным миром, абсолютно лишён свободы, он игрушка рока в большей степени, чем герои древнегреческих мифов (как правило, трагичных). Может быть, это и красиво. Только бунтарь совершенно нежизнеспособен, он выбирает смерть.

Боюсь, что единственно удачной является самая, вероятно, древняя метафора, приобретающая всё большую актуальность: рост. Но метафора ли это? Рост, развитие личности (либо её гибель) – не это ли наиболее полное и точное описание «механики» судьбы, притом, дающее больше всего свободы и поводов для оптимизма? А без осознания своей свободы (и, следовательно, ответственности) и без оптимизма творить свою судьбу, особенно в современном, жёстком и динамично мире, невозможно.

ПРЕДТЕЧА

пресс-релиз Кадуйского литературного объединения
«СЕМИЗЕРЬЕ»

№ 10

Александр ДУДКИН - идея, составление, макет.
«Предтеча» в Интернете на сайте Вологодского отделения Союза
российских писателей по адресу: www.vospr.narod.ru
E-mail: a_dudkin@nwgsn.ru
06 июля 2007 года.

АЛЛА РАЙДЛЬ В КАДУЕ

Алексей ПИДЖАКОВ

Дегустация

Так получилось, что визиты Райдль куда бы то ни было отныне намертво связаны с посудой: в Кадуе перед презентацией (явно неспроста!) представляли какие-то совершенно сказочных свойств наборы... Фирму не помню, да и нагоняя за рекламу не жажду получить.

Презентация началась немного неуверенно: представив гостью, глава ЛИТО сообщил, что считает формулировку вопроса на форуме («русский или эмигрантский писатель?») некорректной; я, кстати, думаю, что вопрос был более уместен в Череповце, где форум, возможно, чаще посещают. Однако, сквозная тема беседы была задана – Россию постоянно сравнивали с Европой, дав простор спекуляциям Сами-Понимаете-Кого. Но, к счастью, больше времени было уделено собственно книге.

С заднего ряда ваш покорный подавал реплики «это дзэн», «это посмодерн» (схлопотав замечание от сидевшего впереди предпринимателя П.), на что Алла Валерьевна неизменно отвечала «я-об-этом-не-зудумывалась» - и поделом, поделом – ярлыки гробят настоящую критику. Осмелев, я задал вопросы «не одно ли и то же лицо Вонтуз и Катран», «почему Катран... да, извините, Вантуз, связан с голубым цветом – там ещё куча синонимов вроде «бирюзы» и «финифти» и «почему в повести нет имён»? Последнее разъяснилось быстро: поскольку феномен «живого блюда», являясь чисто японским изобретением, в силу своей двусмысленности быстро стал интернациональным, то привязка к конкретной стране принижает общий социальный пафос повести. Одно ясно – это не Япония. Во-первых, героине не пришлось бы переводить своё прозвище. Во-вторых, и это главное, пожалуй – в Японии сие действие имеет

особый мистический смысл и чуть ли не способствует просветлению, мм, «посуды». Ал.Ан. заявил, что считает героиню человеком сильным и не понимает, почему она не ушла из ресторана, узнав в ответ, что в том и фишка – героиня, да, сильная, но считает, что необходимо не менять мир, а идеально приспособиться к нему. Всё-таки, подумал я вслух, здесь больше буддизма, чем христианства. Разговор плавно переключился на творческие планы и проблемы издания, я потерял интерес и перестал нарушать спокойствие, лишь спровоцировал жидкие аплодисменты по прочтении А.В. стихотворения (оно того заслуживало). Потом все потихоньку закруглили периоды и свернули беседу.

Резюме: 1) Алла Райдль – очень вежливый и общительный человек; 2) проводить акции в Кадуе почти не имеет смысла, ибо активная аудитория отсутствует, да и статистов – раз-два и обчёлся. Впрочем, не мне решать.

P.S. Чемпион мира под занавес доказал свою полную интеллектуальную состоятельность, побив Ильясова речью на тему «всё в нас самих, Россия это мы» (© М.Сопин). Последний гордо удалился – явно не в настроении.

о повести

Повесть Райдль вызвала у меня ассоциации с картинами художника-маньериста Дж. Арчимбольдо, составлявшего портреты из фруктов, цветов и пр. Её героиня, работая блюдом в vip-ресторане, принимает свою, как минимум, странную работу, как должное, работа начинает ей нравиться.

Когда наступает расплата за движение по инерции, она пытается отстоять свою сущность, но поздно - она загнала себя в тупик. В финале героиня оказывается распростёрта, распята, раздавлена на плоскости между двумя мирами, явью и ирреальностью (плоскость – это ключевое слово), следовательно, ей недоступно то, что находится по любую сторону этой плоскости, при этом она не принадлежит ни тому, ни другому.

Александр ДУДКИН

В шестнадцать часов 28 октября в районном центре Кадуй не нашлось ни одного приличного или неприличного общественного места, где можно было бы поесть. Всё, что порекомендовали местные таксисты и библиотекари, оказалось недоступным: «Уют» - на спецобслуживании, в «Жемчужине» - выходной, «Поручик Голицын» на своих разбитых стеклянных запертых дверях не имел никаких объявлений.

Молодой русской писательнице Алле Райдль и чемпиону мира и двукратному чемпиону Европы по дзюдо Сергею Косоротову пришлось вернуться в Череповецкий район и отобедать там.

Их это обстоятельство не только не возмутило, но и не смутило даже, но...

1.

Человека, который творит словами, привело в неведомый этому человеку ещё полгода назад Кадуй, именно слово. Слово, которое тонкая, умная, смелая, сильная, стильная, современная женщина дала ещё *до* всех шумных и эпатажных московских и архангельских презентаций её третьей книги, ещё *до* интервью всероссийским газетам и радио, ещё *до* того, как крупные книжные магазины стали брать её новую повесть на реализацию, ещё *до* принятия решения напечатать второй её тираж и ещё, наверняка, *до* много и много чего, что произошло с Аллой Райдль и с выпущенной ею книгой за лето и первую половину осени этого года. (Зайдите в библиотеку, возьмите и прочтите повесть «Блюдо» и вы поймете, почему я в этом тексте злоупотребляю предлогом «до».)

Так вот, слово Алла Райдль нарушить не смогла, хотя я из-за того, что её приезд несколько раз переносился, стал сомневаться в его осуществимости: ну зазвездился человек, - думал я, - зачем ему теперь наша Тмутаракань? Тогда, в начале лета, *до* всех этих «до», какая-никакая нужда в визите этом была, а сейчас-то зачем сюда тащиться?

На череповецкой презентации Алла на этот вопрос ответила: «Да, с точки зрения денег и рекламы посещение моё вашего города нерезультативное. Но ведь меня люди пригласили. А доверием людей надо дорожить».

2.

Алла уже несколько лет связана с Вологдой. В литинституте она познакомилась и подружилась с вологодско-московской поэтессой Натой Сучковой (смотрите её стихи в прошлогодних номерах журналов

«Новый мир» и «Октябрь»), которая свела её с другими вологодскими литераторами. В Вологде вышли две первые книжки: стихи и остросюжетная «Монетка». Правда, по словам автора, неудачные. По мнению же читателя, то бишь меня, «Монетка» хороша.

Но неудачи эти были ей необходимы. Неудачи ведь приводят к удаче!

И именно в Вологодском отделении Союза российских писателей она два года как состоит. Вот вам и ещё один ответ на вопрос: почему Алла Райдль поехала не в какой-нибудь районный центр области Иркутской, а в Кадуй.

3.

После прочтения первых трёх десятков страниц повести «Блюдо», думаешь, что читаешь детектив. «Повесть интересная, но не совсем детектив, – пояснил мне человек, разбирающийся во всех жанровых и прочих тонкостях литературных произведений, – это постмодерн, здесь жанровые границы размыты».

Постмодернизм, так постмодернизм. Лишь бы интересно было, лишь бы умно, лишь бы о чём-то новом рассказывалось, неизвестном, неведомом тебе.

А «Блюдо» о девушке, почти ещё девочке, которая по рекомендации своей мачехи пошла работать в элитный ресторан тарелкой: она ложилась на огромный поднос и повара на полностью обнажённое тело укладывали разные яства – от копчёной рыбы до воздушного бисквита, потом торжественно выносили в банкетный зал и там с живой тарелкой происходило то же самое, что обычно происходит с алюминиевой или фарфоровой.

Ясно, так уверяют многие, в том числе и автор, что такое существование не может хорошо закончиться.

4.

28 октября я побывал на двух презентациях книги Аллы Райдль: в Череповце и, конечно же, в Кадуе. Объединяло их примерно одинаковое количество присутствующих и отношение публики к тем, кто ест с живых «блюдов». Приговор и там и здесь был единодушный: аморально, безнравственно, разврат!

Во всём другом сходства не было почти. Конечно, Алла рассказывала иногда об одном и том же. Но по-разному. Говоря о новой книжке, которую она уже написала и которую сейчас редактируют, в Кадуе она не поделилась со слушателями своим тюремным опытом, а в Череповце сделала это легко и иронично. Беседа в кадуйской библиотеке была более напряжённой, злой, агрессивной,

в череповецкой же – холодок отчуждения растаял быстро и разговор стал доверительным и доброжелательным. Зато в Кадуе Алла не цитировала сама себя, а делал это дотошный молодой читатель. Причём, и там и здесь одни и те же места зачитывались.

5.

Плохо, конечно, даже, может быть, позорно, что такие мероприятия интересны очень малому количеству людей. Жаль, что интересы многих ограничены тем, что известно всем. Жаль, что даже люди образованные считают, например, что в XX веке в Вологде жил и творил только один поэт – Николай Рубцов, а в XXI-ом они (поэты) и вовсе перевелись.

Жаль, но и жалко тех, кто не смог узнать, как удалось Алле Райдль задать вопрос на недавнем Венецианском кинофестивале на пресс-конференции, на которую она не была аккредитована, Никите Михалкову, кто не услышал её рассказ о приключениях и мытарствах в российской и австрийской тюрьмах, о том, как она жила в Италии и чем она там зарабатывала на жизнь, жалко тех, кто не смог увидеть телерепортаж с эпатажной архангельской презентации, на которой угощения подавались на девушках, кто не смог приобрести элегантно изданное «Блюдо» и получить от автора автограф, сделанный ручкой, подаренной ей мэром Москвы. Жалко и тех, кто, наверное, хотел бы (да вот нелюбовь к современной литературе не привела их в читальный зал районной библиотеки вечером 28 октября), но не смог позвать могучую руку чемпиону миру по дзюдо, обладателю восьмого дана (в дзюдо их всего десять) Сергею Косоротову.

6.

А Аллу Райдль и Сергея Косоротова объединяет именно литература. Сергей - автор многих книг по восточным боевым искусствам и нескольких книг афоризмов. Вот два из них: «Каратэ – искусство имеющее место бить!» и «Приносящего благую весть топят в вине». Сейчас Алла и Сергей работают над книгой, которая будет содержать в себе советы, как вести себя женщине в опасных ситуациях, могущих возникнуть где и когда угодно: в тёмном подъезде, в лифте, на ночной дороге... Сергей отвечает за описание приёмов и способов самозащиты, Алла за психологию и актёрское мастерство.

Кроме того, что Сергей пишет и занимается общественной работой (он президент ассоциаций «Московский Будокан» и «Московский Кодокан»), он не так давно пришел в политику, вступил в «Единую Россию» и возглавляет Общественный Совет по физической культуре и спорту этой партии по одному из округов Москвы.

Сергей Косоротов подарил районной библиотеке несколько своих

книг, которые не могут быть непопулярными. В том числе «Каноны дзюдо», «Правила бокса», «Просто дзюдо. Правила соревнований», а также «Лестницу в небо. Путь и дух дзюдо»: «автобиографию, похожую на захватывающий приключенческий роман», книгу «о нелёгком пути от простого самарского мальчишки до дзюдоиста с мировым именем, успешного бизнесмена и политика». В скором времени эти книги будут доступны всем читателям библиотеки.

о повести

Трёхэтажный сон

1. При чтении первых тридцати страниц меня сопровождало убеждение, что ресторан, в котором работает главная героиня «Блюда» лишь сцена, на которой должен сыгратся (или должен быть сыграным) спектакль, а сама работа – повод или же фон. Но оказалось, что работа в ресторане и есть спектакль.

2. Автор играет. И играет при этом не по правилам. У автора нет даже своих правил, по которым и только по ним Пушкин, кажется, призывал судить поэта... Вот «Монетка» написана также интересно, как и «Блюда», но ведь по правилам.

3. Человек спит и видит сон, в котором он засыпает и видит сон. Потом сон, который во сне, обрывается пробуждением, но человек по-прежнему спит и продолжает видеть первый сон. Но и этот сон, в конце концов, обрывается. На самом интересном, как водится...

Обычный сон, между прочим.

Но повесть ведь не сновидение, повесть-то получилась поэтому необычной, странной и, увы, беспомощной. Но, как ни странно, интересной.

Показалось, что Алла писала и писала «Блюда», но потом вдруг решила изменить сюжет, чуточку изменить, но при этом ничего из сочинённого не захотела предавать забвению. И правильно, кстати. Потому правильно, что написано страстно, читать же вкусно. Не смотря на то, что селёдку порой вынужден есть вместе с воздушным зефиром.

Но, наверное, женская логика такова.

4. Какой-то очень известный психоаналитик неправильно утверждал, что человеческими поступками руководят исключительно голод и либидо. Вот «блюда» из «Блюда» удовлетворяет и то, и другое. Поэтому, при должном пиаре, повести этой успех гарантирован.

Михаил ИЛЯСОВ

Из Австрии приятнее любить Россию

В последнее воскресенье октября в читальном зале районной библиотеки состоялась встреча с писательницей Аллой Райдль, а точнее, Алусей Райдль, как сама себя она теперь называет. Оказалось, это лишь творческий псевдоним, настоящая же её фамилия Булгакова. В Кадуи она привезла свою новую, недавно написанную книгу под названием «Блюди». А вообще, она является автором рассказов, повести «Монетка», пишет даже, как призналась сама, стихи, в том числе и детские. С собой она привезла экземпляры новой книги, которые и подарила всем желающим её почитать.

Что же это за книжка (автор о ней много рассказывала, отвечая на вопросы, ведь некоторые её прочитали в Интернете)? Это постмодернистское повествование о девушке, работающей в ресторане блюдом, причём в самом прямом смысле. Она раздевается и голой ложится на стол, потом на её тело кладут различные кушанья, закуски и прочее. Посетители ресторана едят прямо с него. Это пикантное развлечение для богатых давно практикуется в российских ресторанах. Тема взята из реальной жизни. Написано талантливо, но постмодернистский текст, для которого вообще характерна игра смыслами, значениями, оставляет читателя, уже приготовившегося увидеть проникновение в чужую боль в духе Достоевского, кажется совершенно холодным. Играют богачи, слизывающие с голого живота мидии, к игре подключается и читатель. А если ещё и подпустить восточную философию, Алуся была в Японии, где тоже едят с голых девиц (лично я никогда о таком не слышал, но поверю её рассказу об этом), возникает полное ощущение некой забавы. Эстетского «прикола». Переводя это на язык социальных категорий, можно сказать и такое: «С жиру бесятся, сволочи». Но на то он и постмодернизм, чтобы не испытывать от чтения боли и не видеть чужой трагедии.

Постоянно проживает Алуся Райдль, как утверждает сама, в Австрии, но странно, что она почти ничего не рассказывала об этой стране. Меня, например, больше интересовало это. Я спросил, что она думает о современной России. Она ответила, что у нас всё теперь замечательно. Ей очень нравится наш президент и всё такое прочее. Следом тут же поправилась, что ничего не понимает в политике. Может, она и действительно живёт в Австрии, но у меня возникло сомнение: обычно, приехав с Запада, люди испытывают шок от встречи с современной Россией. Но выпытывать, где же она на самом деле

живёт, не стал. Дамы – народ обидчивый.

(опубликовано в Кадуйской районной газете «Наше время» 10 ноября 2007 года)

Галина ЩЕКИНА

Михаил, а какая разница, где она живет? Она живет на две страны, так сложилось, мотается туда-сюда. Но России она не знает, с этим согласна. А какое это имеет отношение к тесту? Она же постоянно говорит в книге и устно, что не хотела показывать конкретную страну.

Поправочка: вы книгу видели? Ее название не БЛЮДИ, это электронный вариант. Мерять кого бы то ни было Достоевским - с какой это стати? Все равно что предъявлять претензии, что она не Пушкин. Постмодернизм - может быть. Только ставить диагноз на своих субъективных чувствах неосторожно. Постмодернизм - суть разрушение, а БЛЮДО - довольно целостная вещь, хоть и холодноватая.

Марина ГУСЕВА

Алла Райдль молодая писательница уже заявившая себя в нескольких литературных направлениях. На мой взгляд, это интересный талантливый автор, находящийся в постоянном поиске своего литературного пути. Её попытки экспериментировать в прозе интересны, но сам стиль и манера письма не устойчивы.

Любопытно соединение правовой теории и литературы для детей дошкольного возраста и начальной школы.

Слияние разных стилей, направлений разве это не желание экспериментировать, и разве это не цель найти или создавать что-то своё?

Хочу пожелать удачи в творческих поисках артистичной и очень милой, я бы сказала очаровательной, Алле Райдль.

ПРЕДТЕЧА

пресс-релиз Кадуйского литературного объединения
«СЕМИЗЕРЬЕ»

№ 11

Александр ДУДКИН - идея, составление, макет.

«Предтеча» в Интернете на сайте Вологодского отделения Союза
русских писателей по адресу: www.vospr.narod.ru

E-mail: a_dudkin@nwgsn.ru

8 декабря 2007 года.

СЕКРЕТ МАРИИ МАРКОВОЙ

Наталья УСАНОВА

Мария Маркова предельно талантлива. Обычно подобные выводы делаются в конце рецензии, но мне хочется с этого начать. Именно сила таланта Марковой сделала её стихи очень темпераментными, если, конечно, можно так говорить о стихах. Основной мотив в стихотворениях этой поэтессы – страсть. Страсть-страдание, жажда жизни, доходящая до перенасыщения. «Но будь непосвященным, будь слепым...» - восклицает Маркова, предостерегая других людей, которые тоже могут оказаться на этом пути.

В своё время Марина Цветаева писала так же «горячо». Это, первая точка соприкосновения Цветаевой и Марковой. На самом деле, таких точек несколько. Другая – некоторые общие образы и мотивы. Возьмём одно стихотворение для примера:

Точку опоры бы и – устоять,
бьющей поклоны русской рябиной.
Дом деревянный и юная мать,
разве вы были?

Разве вы были, - вишни в саду?
Белое облако. Белая пена.
Канули чёрные вишни в грядку
обыкновенно.

Детство прошло – рукомойник с дырой,
ржавая бэль о найденном чуде.
Что же теперь происходит со мной,
что со мной будет?

Слишком – лишившись корней. Потому
нет мне покоя и горькая доля –
спадкая эта, безумная воля –
не по уму.

Образ рябины. Мотив безумной воли. Мотив доли. Мотив прошлого.

В других стихах можно найти ещё некоторые мотивы. Но допустим, что они возникли просто вследствие родственности натур Цветаевой и Марковой.

Сходство есть и в использовании некоторых средств выразительности. Впрочем, это нельзя расценивать как копирование, иначе пришлось бы признать, что все поголовно поэты подражают друг другу. Просто одни средства освоены больше и уже стали привычными, а другие, в том числе и многие цветаевские, ещё удивляют новизной, неисчерпанностью. Итак, упрекать Маркову в литературной несамостоятельности, по-моему, не стоит.

А вот в чём её стоит упрекнуть, так в нерациональном использовании своих способностей. Маркова иногда слишком концентрируется на одних и тех же темах и мотивах. Я не сомневаюсь, что она могла бы расширить круг и выбраться из постоянных сладкой боли, сладкой боли, сладкой боли, одиночества, одиночества, одиночества, разглядывания себя, разглядывания себя, разглядывания себя, жаркой любви, жаркой любви, жаркой любви...

Ты горячий, неистовый -	крыльями синими
лава по венам и пропасть.	хлопать
Обжигаюсь и мысленно:	так устала.
птица в силке, попалась.	Бери меня теплую.
Обессилено	Так устала!..

Так и наподобие - ну что же это такое?

Можно было бы иногда разрушать ампулу и попробовать взглянуть на мир с другой стороны. Она постоянно старается выступить романтическим героем – очкой-бунтарём, а ведь в ней живут и другие образы, незаметно пробивающиеся через выбранный.

Например, она привычно начинает говорить о «случайно развязанной войне», но вдруг срывается на откровенно детское, наивное:

А я сажусь в углу на кресло	Дождь озабочено стучится
с ногами, спицами и сном.	и выкипела вся вода.
Всё к чёрту! Но скажи мне честно,	Я так боюсь, что не случится
мы до заката доживём?	со мною чуда никогда...

Этот же замечательный в своей непосредственности ребёнок говорит:

Цветы вот выращиваю.
Думаешь, я могла бы бросить их поливать?

Может, не нужно битв, войн, может, просто каждый должен поливать цветы, которые посадил, и тогда будет хорошо?

А вот ещё один скрытый образ поэта Марии Марковой, уже очень взрослой, мудрой:

Ходила я по магазинам тут...	и светит им единственное солнце,
Живут же, все же, люди, как придется,	и создал их, собственноручно, труд,

и дети их похожи на детей,
и все, как надо, - жизненный конвейер.
Но не хватает им любви и веры,
и слишком мало стоящих друзей...

Мы все чего-то стоим. Ты меня
оценивал своей десятибалльной.
Ты говорил: «Цунами! Ты - фатальна.
Ты - однодневка на исходе дня».

И ночью что-то жаркое срывал,
выплывавая в спешке: «Ты - бесценна...
Тебе бы петь... Тебя б на эту сцену!...»
И - продавал.

Мы все чего-то стоим. И цена
зависит от имеющихся качеств.
А я с набором маленьких чудачеств
могла б и впрямь существовать одна.

Она становится философом-наблюдателем, смотрит не на себя, а вовне. Взгляд со стороны, из своего одиночества очень интересен. Он даёт возможность быть более объективной.

... Первое стихотворение в сборнике «Мёд-червоточина» называется «Секрет». Мне кажется, что Мария Маркова – в чём-то секрет не только для читателя, но и для себя самой. Он вовсе не «глупый», не маленький. Только место ему не в кармане, а на бумаге. Поэзия – жестокое по отношению к поэту дело. Она не даёт права на секреты...

Антон ЧЁРНЫЙ

(отрывок из статьи «Три книги 2007 года», полностью статью можно прочитать на сайте Вологодского отделения Союза российских писателей по адресу:)

Книга «Мед – Червоточина»... ..узкому кружку вологодских ценителей изящной словесности Маркова стала известна в большей степени благодаря этому сборнику...

В книге Маркова предстает перед читателем как стихотворец с буквально на глазах складывающейся оригинальной манерой. Манера эта состоит в особой атмосфере доверительности, в интонации интимного разговора, до определенной черты раскрывающего внутренний мир автора (Я постоянно и совершенно сознательно ухожу от термина «лирический герой», который, на мой взгляд, - лишь научный эвфемизм, заключающий в себе весь комплекс читательских представлений об образе автора произведения. Не претендуя на терминологический мятёж, все же оставляю за собой право называть стихи стихами, а автора автором.). Тон этот задается первым же произведением книги – «Секрет»:

Кто-то ведь прячет от света
секреты
в шкаф, где скелеты,
в угол, где тень.

Я же держу свой в правом кармане.
Он не мешает, не давит, не тянет.
Он слишком мал, чтоб хватило на всех.
Он слишком прост, чтоб подняли на смех.

Но для кармана он самое то
и не узнает об этом никто.

Утверждение своего личного душевного пространства, ценимого и лелеемого именно за то, что оно свое, - и есть основа своей интонации Марковой. Автор не лезет с революциями и громами, не раздвигает границы своего Я до космических пределов. Нет, просто есть понимание того, что космос внутри гораздо главнее космоса большого:

Он слишком мал, чтоб хватило на всех.

В дальнейшем интимность и свойскость органично войдут в образную структуру стихов Марковой в виде персонализированных, конкретных реалий, словно вплывающих в стихи из настоящей жизни. Они – эти живые, повседневные предметы не только создают новую и необычную образность, как, например, в стихотворении «Коробка конфет и фантиков ворох...», где детские ощущения преломляются через псевдо-взрослый анализ:

Под солнцем расплавлена тёмная мякоть помадки и светлая – карамели.	над ромовым сном современных вателей. Искусство дразнить задремавшие чувства.
Как хочется взять и внезапно заплакать	Пройти поглощение, как причащенье.

Вот это «поглощение как причащенье» - одна из многочисленных ярких черточек поэтики Марковой: обыденный процесс, воспринятый и переданный по-детски, тут же получает глубину из одного обобщения.

«Простые предметы» Марковой позволяют ей строить оригинальные метафоры, подчас на самой грани, за которой вот-вот начнется ирония и каламбур:

Дай мне уснуть у тебя на плече старой рыбацкою лодкой.	Ткнуться в тебя успокоено дном, в руки - песчаные мели.
Голос твой - дивный прохладный ручей. Плыть по нему беззаботно.	День - это век, в ожиданье конца или случайного брода.
Пой мне. Пусть ветер шумит за окном. Сосен высоких качели.	В заводи тихой, в затоне лица рыба бесшумная ходит.

Метафоры «мели», «лодки» здесь развиты именно до той степени, чтобы не стать уже комическими. Умение Марковой балансировать на этой тонкой границе лиричного и смешного в этом стихотворении действительно впечатляет. Тем более, что ассоциация «мель – спокойствие» одна из знаковых в этой книге:

И нас ведут случайные зарубки на кем-то непридуманную мель...	...уткнуться в большие лапы приятельских многоточий...
(«Ты три недели, как философ. Что ж...»)	(«Я знаю, что я могла бы...»).

Но одна из самых интересных черт образного инструментария

Марковой – способность с помощью одного живого, зримого, лаконично поданного образа оживить стертый от частого употребления образный ряд. Так в части 5-ой цикла «Лю»:

Август не рвется в окно.	Золото яблок и воля.
Август за городом бродит.	Спас и пшеничное поле,
	ветром пройденное вброд.

Вечный бродяга и мот.

Жнива и межа из пыльных хрестоматий одним росчерком («поле, //ветром пройденное вброд») приобретают перспективу. Плоский холст передвижников неожиданно становится трехмерным за счет этой цепко схваченной вещной детали. Не говоря уже о звукописном ряде [тро] – [про] – [бро].

Те же приметы оживления «метафорических трупов» находим и в стихотворении Марковой, посвященном вечной осенней теме:

Беззубый ощерив рот,	и листья летят, как слухи,
судачат о нас старухи,	в осенний водоворот.

(«Какие тревожные дни!..»)

Сплетение двух образов в одном сравнении (судачащие старухи + листья), да еще и сцементированное смежной рифмой «слухи// старухи», создает эффект метафорической призмы, в которой сквозь последующие строчки видны предыдущие.

Уверенность в высшей ценности личного, своего в мире не раз становится предметом размышлений автора. Индивидуальность настолько самодостаточна, что даже не способна к полному самовыражению, самопостижению:

Если бы меня спросили,	послала бы всех к черту в семьдесят пять.
о чем я здесь написала,	
я бы промолчала, стесняясь, в шесть лет,	Думаю, где-то после трехсот,
изказала бы «не ваше дело» в шестнадцать,	я бы знала, что ответить.
испугалась бы в тридцать,	(Цикл «Лю», часть 8-я)

Прочувствованность, переработанность мира через личные ощущения и предметы – фундамент складывающейся оригинальной художественной манеры Марковой. И путь этот столь же универсален, сколь и беспроегрешен – как это ни парадоксально, индивидуальное в поэзии всегда было и будет кратчайшим путем к самым великим обобщениям и открытиям. Художественный инструментарий автора на этом пути широк: рифмованная силлабо-тоника, белый стих, верлибр, тонический стих применяются не как самоцельные формы, но в большинстве случаев приспособляются к характеру высказывания, используются как гармоничные системы, предназначенные каждая для

своего. Умелое (не без исключений, конечно) владение формой все же не позволяет стиховедению взять верх над стихом.

Определив достоинства поэтики Марковой, можно легко понять, в чем слабые места и пустоты этой книги. А появляются они именно там, где личностное начало ослабевает, уступает место штампу, то есть там, где слово идет по пути наименьшего сопротивления. Образчик такой «безличности» находим без труда:

Ни к чему продолжать эту связь,
если скоро поймём мы, откуда
эта нежность слепая взялась,

сквозняки, пенталгин и простуды,

ни к чему продолжать эту связь,
если выбрана каждым дорога,

если скоро пойдут пересуды
и намоют нам косточки всласть

и куда бы она ни вилась...

Абсолютная безобразность этого стихотворения кроется в отсутствии всякой индивидуальной окрашенности описываемого. Язык не только беден метафорическим компонентом; он опошлен метафорой стертой, безжизненной («если выбрана каждым дорога»), так что на фоне других стихов это выглядит просто капитуляцией.

Это же относится и к стихотворению, давшему название всему сборнику – «Одиночество ты мое...»:

Одиночество ты мое,
не спасают ни ночи, ни творчество.
В исступлении сна - пророчится.
В каждом слове рожденном - мед.
Червоточина.

Я сама эту долю выбрала,
и с ума б не сойти теперь.
Одиночество мое - зверь,
доморошенная калигула,
жуткий цезарь любви моей.

Незамысловатость метафорического ряда в данном случае близка даже к обыденной речи. С ней также сближает текст затемненность некоторых смыслов. Например, метафора «цезарь любви» да еще и с эпитетом «жуткий» напоминает не окказионализм, а скорее тривиальную речевую ошибку, смешение слов цезарь//цербер. Даже строчка «не спасают ни ночи, ни творчество...» не спасает стихотворение своей звукописной вычурностью. Присутствие обыденно-речевых и непонятных метафор лишает текст «второго плана», того тайного фонарика, который и должен подсвечивать сзади стихотворное полотно.

Наибольшая крайность «деперсонализации» в стихах Марковой – трюизмы, банальные истины, поданные без всякого логического поворота, незамысловато и блекло. Таково стихотворение «Неверно живу – не цепляюсь...», в котором предпринята попытка уравновесить безлично-дневниковую первую строку второй – псевдо-философской:

Свободнорожденное слово
не знает ни цепи, ни крова

и нечего слову терять.

Таких маленьких капитуляций в книге едва ли не треть, но коллекционировать ошибки не входит в наши задачи. В этом мы усматриваем скорее не творческую, но составительскую проблему, актуальную практически для всех авторов, издающихся самостоятельно в Вологде. Отсутствие всяческой внешней оценки при отборе стихов (слава Богу, если он вообще присутствует) и формировании сборника, проработке его композиции приводит к тому, что «шлак», который не должен выходить дальше творческой лаборатории автора, «засоряет» книгу. Горациево правило «Через девять лет будет издано» забыто: не «вылежавшиеся» стихи бросаются бездумно в общий котел. В результате «Мед – Червоточина» лично для нас полностью соответствует своему названию: многочисленные проблески настоящего лиризма «разбавлены» в ней изрядной долей безликих поделок, отвлекающих читателя от главного, создающих ненужные помехи в поэтическом эфире. Хотя мы и условились рассматривать все три книги как бы герметично, безотносительно к предшествующему творчеству авторов, все же для справедливости нужно отметить, что в первой книге Марковой «Упоение» такой вот «шлак» составлял едва ли не три четверти объема. То есть рост налицо.

В данном случае очень трудно разграничить проблемы книгоиздательскую и творческую. Как мы сможем убедиться в разговоре о двух других книгах ушедшего года, первая стоит едва ли не острее второй.

Мария МАРКОВА

СРЕДА

стихотворения

Нырни поглубже, где вода
выводит перышком вслепую
на белой карте города,
и города всю ночь дрейфуют,
как льдины, далеко от мест
насиженных, задраив люки,
и где-то выше Южный Крест
вытягивает молча руки,
когда-нибудь - коснется дна,

и мир опять перевернется,
сверкнет в морской воде блесна
закинутого в небо солнца,
и ты проснешься. День влывет
в неведомое нам пространство,
где человек всю жизнь живет
и лечится водой от пьянства,
и говорит, что жажда жить
когда-нибудь его отпустит,
и ничего не изменить...

Проснешься.
Свет.
Прохладно.
Пусто.

Среда, ты подумай-ка, нынче среда.
Не верится даже, как время скакнуло.
Разинула пасть в зазеркалье акула.
По стеклам бежит дождевая вода.

Сегодня не надо уже никуда.
Когда еще выпадет вечер свободный.
Спикировал на пол паук самолетный
и вывернул черные ножки – беда.

Пятнадцать минут, и заварится чай,
залечатся раны, паук отряхнется,
откроется томик Большого Японца
на маленьких хокку про дождь и печаль.

Часы остановятся. Время замрет.
Паук отряхнется и выбросит сети.
Ты сунешь под нос мне трамвайный билетик
И скажешь: «Счастливый. Сегодня – везет».

Наполнен дом привычными вещами,
настроенными на особый лад.
У каждой вещи свой спокойный взгляд
на то, что происходит между нами,

как будто это мы, со стороны,
уже пожив на этом белом свете,
неволью отстраняемся, а дети
играют в игры с привкусом войны,

как будто это мы в чаду недель,
сменяющих без усталости друг друга,
скрипим, стареем, поддаемся туге
и иногда срываемся с петель,

ломаемся, и в этой же среде
живут смешные призрачные люди,
заботятся о теле и уюте,
а вот душа их трепетная где?..

На кухне пахнет табаком,
коричным маслом, кофейком.
Не спится, черт возьми, не спится.
Светляк висит под потолком.
Плетется кокон пауком.
Исписана одна страница.

Вот незнакомые крючки,
кривые строчки от руки,
округлые смешные знаки.

Вот ковыляют старики
с клюкой корявой вдоль реки
по нелинованной бумаге

и спотыкаются. Пустяк.
Коль черновик, сойдет и так.
Согнется, слюбится, слежится.
Ну, где же спички, где табак?!..
Не спится, черт возьми, никак.
Не спится, черт возьми, не спится...

Наталья УШАНОВА

Попытка толкования поэмы Марии Марковой «Вина и время»

Сначала я хотела написать рецензию на поэму М.Марковой, но потом поняла, что ничего у меня из этого замысла не получится. Почему? Да потому, что сначала нужно переводить «Вину и время» с поэтического на русский. Честно признаюсь, после первого прочтения у меня не возникло никакого целостного впечатления. После второго прочтения меня задело за живое некоторые фрагменты. И лишь после третьей попытки поймать и удержать текст, чтобы рассмотреть его, я подумала: «А ведь это интересная поэма...»

Здесь я подробно описываю процесс моего проникновения в текст. Конечно, это будет не рецензия. Скорее – толкование. Этот жанр в данном случае более уместен. Итак...

В первых строках появляется довольно определённый образ лирического героя:

Плачь
внутри меня и не давай – снаружи –
для сожалений повода, палач.

Ситуация ясна: сильный человек хочет остаться сильным, прямо-таки приказывает себе не поддаваться слабости.

А вот образ «палача», напротив, очень и очень неопределённый. Сначала возникает мысль, что палач – это любимый человек.

И плачешь ты, заливая ранки.
И плачу я беспомощно в ответ...

К кому ещё возможно такое сострадание, как не к возлюбленному? Ведь не случайно когда-то в русском языке вместо глагола «любить» был глагол «жалеть»...

Соленая моя слеза – искома.

Тебе, тебе, и даже если... Кроме

Кому она? – горошина в подол.

тебя, я - никому... Такая боль!..

Что же так тесно связывает палача и лирического героя? Какое-то испытание, приравненное к пытке. Скорее всего – испытание виной. Неспроста же поэма названа «Вина и время». Откуда она – опять же можно только догадываться. Точно можно сказать только то, что мотив вины постоянно переплетается с мотивом слова.

(...) Я спотыкаюсь слогом.(...)

Ты говори со мной (...)

(...) тебе внимаю (...)

Каким я языком тебя пойму

(...) Я – шепотом... (...)

и на каком заговорим мы?.. Слышишь,
тревожно мне...(...)

(...) мне не поможет честный твой ответ (...)

Мучительный разговор ведётся от начала поэмы, причём с градацией. Нарастает бессвязность, речь лирического героя начинает напоминать бред. Так бывает, когда человек пытается сдержать распирающее его страдание. Оно копится, а потом обрушивается мощно, беспорядочно, «с гор лавиной в снежный лес».

Возникает ощущение, что герой-то, может, нездоров, может, ему просто кажется, что он, то есть, она, не одна. А может, у неё раздвоение личности? «Бред» доходит до кульминации...

И где-нибудь у шеи, где теплее,

и правда, успокоюсь, онемею,

где бьется жилка, где размерен пульс,

уткнувшись носом, тихо растворяюсь...

Бред обрывается. Герой начинает говорить предельно чётко, интонация меняется.

Какие мысли!.. Ветер. Бездорожье.

прохладно, сонно гладит по рукам.

На кончиках, на цыпочках, слегка...

Причесывает – отрастай – мой опыт.

Ко мне приходит мудрость. Осторожно,

И волосы до пят – стриги, стриги...

Герой наблюдает собственное безумие – отрешенно наблюдает:

Неси меня, безвременье, неси...

Носи меня, безумие (...)

Интересно – безумие приравнивается к безвременью. А не безвременье ли выступало в роли «возлюбленного» палача? Но в конце поэмы вдруг

... за стеклом – неспешно, незаметно,
бесшумно – время в полный рост встает.

И время смотрит на меня спокойно,
ныряет в глубину моей груди.

Поэма отражает конфликт в душе героя, должно быть, поэтому автор постоянно сталкивает противоположные понятия: «безвременье

и время», «нет веры» и «вера есть», «далека» и «близка», безумие и мудрость.

Конечно, любая гармония рождается из хаоса. В конце поэмы лирическому герою удаётся «причесать» мысли. И автору тоже. И мне, читателю, - после третьего прочтения...

Если я что-то поняла не так – простите меня, автор, признаю свою вину. Я бы прочитала ещё пару раз, но – увы! - времени не было...

Наталья УСАНОВА

Письмо Маше Марковой

Листаю цикл твоих стихов.

Сразу замечаю, что практически все стихи прямо-таки замечены зимой, её проявлениями. С другой стороны, в этих строчках с не меньшей частотой мелькает слово «среда».

Что такое среда? Возникают ассоциации: окружающая среда (природа). Вариант «окружающая среда» очень хорошо сочетается с мотивом холода. Почему бы не наступить зиме, а поэту её не описать? Получится изящная классическая лирика, описывающая душевное состояние человека через аналогии с природными процессами. Всё вроде бы чётко.

Но это первое, внешнее восприятие. Слишком уж настойчиво повторяются в цикле оба мотива.

Я перечитала, и у меня сложилось впечатление, что, оказывается, традиционное описание душевных состояний здесь не является самоцелью.

Стихи эти описывают кое-что пообъёмнее, чем личное «я» – пространство и время. У тебя уже не впервые в стихах делается акцент на эти категории, но настолько роскошно они раскрылись в первый раз. Причём удача в том, что они предстают в единстве, как в жизни. «Среда – день недели (время)» и среда-пространство. Аналогично и с зимой (время года и заметённые сугробами расстояния).

Но почему же «время вмёрзло в лёд»? Откуда этот холод?

Из глобальности размаха.

Дни отбрасываются веком («А день уже прожит и веком отброшен в бессонную тьму»), нарощее время срезается с кожи. Если посмотреть

в глубину веков, можно будет увидеть всемирное похолодание, время, когда замерзали гиганты-мамонты.

«Пространство необъятно», «край света так близко». Если посмотреть на край света, то придётся уткнуться в Антарктиду. Там опять же холод. Оптимальное сочетание времени и пространства – «вечная мерзлота».

Размах от полюса до полюса... А между полюсами должна быть талая вода, не только лёд. И вода эта есть. Неслучайно дни становятся рыбами, да и заветы пишутся на треске. Маленькие и скользкие дни плавают между ледяным началом и ледяным концом времени (и пространства).

Но – парадокс: несмотря на описание вечной мерзлоты, стихи всё же тёплые. Это ощущение навеивает сама интонация – успокаивающая, плавная. Строчки так и покачиваются на весу, как уютная детская люлька. Например, в «Оттого, что край света так близко»: аббвбб. Греет и волшебство. Сказочность – неизбежная в таких масштабных рассуждениях мифологизация.

Только вот первое и последнее стихотворения, по-моему, стоят несколько наособинку. Они самые печальные. Среда втягивает уже не в полюса, а в «серую, тёплую, мягкую массу». Среда - середина между крайностями. Последнее стихотворение привело к первому. Круг замкнулся. Человек не способен вырваться из рамок собственных возможностей, а ему так этого хочется...

Маша, у тебя появляется замечательное чувство стиха. Одними только усилиями мысли такую стройную систему не сделать...

Уважаю.

ПРЕДТЕЧА

пресс-релиз Кадуйского литературного объединения
«СЕМИЗЕРЬЕ»

№ 12

Александр ДУДКИН - идея, составление, макет.
«Предтеча» в Интернете на сайте Вологодского отделения Союза
русских писателей по адресу: www.vospr.narod.ru

E-mail: a_dudkin@nwgsm.ru

15 марта 2008 года.

Дарья КУТЯШОВА ОНО САМО...

притча, стихи, записки

Неизбежность

притча

Перед нами стоит только одна проблема, одна-единственная: снова открыть, что есть жизнь духа, более высокая, чем жизнь разума, единственная, могущая удовлетворить человека.

Антуан де Сент-Экзюпери

С неба тихо, крадучись, спустились белесые снежинки, напоминая о непрерывности мирского. В глазах рябило... И был Человек. И Человек тот шел поглощать свою неизбежность. Тернистый путь его лежал через все впадины и нагорья, ущелья, косовороты и просто Пустоту. Человек не хотел воспринимать свою трагичность; он так и не смог постигнуть понятие бурлящего чувства; он познал отрешение. И теперь, тонко прогнозируя кожей состояние мира, задавался вопросом об Осмыслении. И падал снег. И в глазах рябило. А Человек все шел поглощать свою неизбежность.

Он знал о том, что оставляет позади – ему казалось, что знает. Он воспринимал как факт невозвратность былого, но наступала ночь, а Человек все шел поглощать свою неизбежность.

Широкополая шляпа его напоминала тугую бесконечность; распахнутое пальто колыхалось на ветру, и было ощущение, будто это мгла разверзлась для поглощения в себя сущего. Рукава были чуть великоваты, и Человек тербил их края непослушными, тонкими, как сама Суть, нервическими пальцами. Он думал, и мысли его не давали покоя обессилевшему Телу. Мысли были похожи на навязчивую мошкарку –

они никак не хотели улетать прочь, но и расшифровать истинное их предназначение Человек не мог. Он хотел убить эти мысли, и, казалось, они готовы ответить тем же. Это становилось похоже на забавную игру... Не правда ли, забавно играть со смертью?!... Но так думал Человек, который шел поглощать свою неизбежность.

Наконец, изловчившись, Человек поймал одну из своих Мыслей и стал пробовать ее на вкус, смакуя каждую толику необъятного вещества. И когда Смысл начал придвигаться к Человеку, тот внезапно отпрянул, пораженный чудовищной прелестью лживой правды. А смысл тот был о Счастье. А Счастье то доселе неведомо было идеям человека, загадочное своей парадоксальностью. И Человек как храм воздвиг Воспоминание, а Храм тот был полон запустением, но Человек хотел постичь непостижимое. Как не было Содержания, так не было Великого в призрачных залах Храма. Бал правила Тишина. И изумился Человек – тот Звук, которым он жил когда-то, так и не сложился в мелодию души. Почему? Потому что Человек не слушал Душу. Он не хотел насладиться тем симфоническим оркестром, что был в его распоряжении непрестанно, но вынужден был безмолвствовать в Забытом Мире. Не играл здесь ведущий лейтмотив Бытия. Человек был непонят собой, упрощен до немого помешательства, прост в познании до слепого буйства. И Человек осознал масштабы Неоткрытого. И молчал он, а по щекам беззаветно струилось малосольное следствие утраты. И заглушил Человек рыдавший припадок, потому как знал – нет ему теперь путей, кроме последнего...

И снег падал...

И в глазах рябило...

А Человек все шел поглощать свою неизбежность.

Лето, 2007

Оно само...

Копышилось во болотах,
Трепыхалось в лихолетье,
Постигало по сугробам –
Да запрыгнуло в глаза!

Встрепенулось втихомолку,
Яро криком озарило,
Постучало ноготчком
Да укуталось в слезах!

Заскрипело по заставам,
По безлюдным стратосферам,
Многодневным переходам,
Словно просо во цветах.

Убивало дикой правдой,
Наповал сражало карой
Ярко-алого наряда
На смешливых огоньках.

Пустовало по вагонам,
Изгоняло вечный хохот,
Вечный поиск праздной жизни
Во избыточных мечтах.

Поселялось у поэтов,
Непокорных душ мятежных,
Подавало свою пищу,
Растворяясь во стихах.

Доверяло совершенству,
Обретенному во муках
В двух горящих горизонтах
Посиневших беглых птах!

Умирало вместе с небом,
Со звездой под ногами,
Уносилось вдаль со снегом,
Оседало с каплей в прах.

Тосковало по порогам
Замурованных окопов,
Задавившись напоследок
На семейных торжествах!

Обреталось постепенно –
По крупитцам, по осколкам,
Да терялось в одночасье
В душных массовых гробах,

Поражало кропотливым
Необъятным мирохватом,
Заставляло погружаться
Да купаться во мирах.

Торопливо уплывавших
По реке избитых слов;
В благодатнейших свершеньях
В злых голодных сапогах!

Август, 2007

Ищите счастье в очарованных глазах,
Что, потеряв земное, устремились в небо,
Стекая влажной росой по жизни древу,
Осознавая необъятность собственного эго...
Ищите счастье в очарованных глазах.

Ищите вечность в старом черновом листе,
Что до сих пор хранит живые муки,
Страданье, слезы, пламя горькое разлуки,
Рукой дрожащей выводимые немые звуки...
Ищите вечность в старом черновом листе.

Ищите светлую печаль в ночном окне,
Когда созвездий снег, в сугробах отраженный,
Напоминает блеск мечты да сон... тот, потаенный...
Который мог бы сбываться, но явился погребенный...
Ищите светлую печаль в ночном окне.

Ищите правильность среди кривых зеркал,
Где отрицается притворственное сито,

Оставившее только зерна быта
С моралью, сгнившей у разбитого корыта...
Ищите правильность среди кривых зеркал.

Ищите жизнь в гробницах наших тайн,
Куда не смогут достучаться все те лица,
Которые всегда правы... Заставь их удивиться,
Поймав мотив, не захотевший по формату литься!
Ищите жизнь в гробницах наших тайн.

Ищите звуки в непроглядной тишине,
Когда певуча холодность луны золотоголовой,
И канут в жизни пруд текучей лавой
Дражайшие секунды тишины, не избежав облавы...
Ищите звуки в непроглядной тишине.

Ищите совершенство в простоте,
Что может не любому приглянуться...
Но чья душа еще способна восторгнуться –
Тот знает, что спокойствие есть риск,
Ведь жизнь – вот вечный поиск
Совершенства.

2006 г.

Обреченные

Безумие боли врывалось в сознание,
Давило на стены, стекало с лица,
Затяжками нити давало решимость
Тому, кто не сможет дойти до конца.
Белые стены – слепые, как небо,
Как утро, не знавшее радость тепла,
Укутав
Своим хладнокровием в хлам
Зависло тугое молчание,
Слепое, как новорожденный щенок
С надеждой на вечность.
Летающие с неба слова разорвались над морем.
Приснился кому-то могильный веночек.
Зачем-то раздвинули шторы –
Чьи-то глаза не откроются боле.
Его грань сегодня тоньше,

Ее грусть сегодня тише,
Их взгляд сегодня желтый –
Твой мир сегодня будет!
Глухие рыдания, дрожащие руки –
Держали друг друга – никто не упал,
Но все так нелепо... И голос...
В кошмаре...Как в пропасть...Пропал.
Шаги до палаты как способ услышать,
Уход от стези как похмельный синдром;
Спешат поклониться последнему солнцу –
Одежда со штампом впитала их соль,
Их шепот, их стон, их глоток первородный,
Их моль дожевала грохочущий сон.
Ты им не поможешь –
Довлеющий ком долетит до откоса.
Запрет на присмотр за своею судьбой!
Встают за окном равнодушные дни,
Беззубые деньги да чья-то работа...
И руку подать как прощальный сигнал...
А ты подойди посмотреть мимоходом,
Как в черной норе тихий смех умирал.
21 февраля, 2008

Мертвая Гвардия

«Мы мертвые, но мы живее всех живых...»
Красные Звезды.

Втыкаем нож в белую тряпицу,
Ругаем вдрызг нашумевший выбор,
Плюем с небес на оголтелое общество,
Давимся вашей прелой Системой,
Чувствуем ложь ежедневной весте,
Знаем приток новой Красной мести,
Скажем потом, посмеемся рьяно,
Сделаем шаг да пойдем упрямо!
Станем слепыми, как ваше небо,
Станем немыми, как ваше утро,
Станем живыми, как ваша пуля!
Славить стабильность бродячей жизни –
Ваши порядки нелепы, как мода,

Как покровительство глупого люда,
Как безобразие вашего плена...
Оседлаем лошадь вашего бога,
Двинем к заре, на Восток, на волю,
Скажем в лицо вашу злую правду,
Выгоним всласть ваши нормы права!
Вымрем, как масть вихревого стада-
Молча, геройски, приняв погоны.
Руки вскинув революционно,
Последний залп дадим достойно!
Примем крамольную смерть свободы –
Похороните нас не с вами!!!
Октябрь, 2007

Разговор

Слова текли и пенились,
Плескаясь о каменистые,
Соленые пространства;
Пытались обнимать,
Поднимали каждую былинку
Внутреннего света
И кружили бесконечно-ласково,
Как дитя своего мишутку...
Я почувствовала себя угнетенной...
Когда осознала, что покойник
Совсем не хочет слушать
Моих сбивчивых речей...
Ему не интересно,
Ему в морге теплее...
Надеюсь, мы с тобой никогда не увидимся.
23 февраля, 2008

Сны Муссолини

Поседевший цветок. Власть.	Последние, может. Кострище!
Вскользь. Вглядь. Фальшь. Всласть!	Не выход – петлица...Костищи!
Заблудший умишко. Гестапо. Газета.	
Секреты. Призывы к ответу.	Толпа. Одиночество – гегемон.
	Лишь в себе – гости и бастион
Планета ... Начало Нового Века...	И уже не так тихо.
Веко дрожит. Часы человека –	...Начало Нового Века...Шумиха.

Синоним всему – сокрытие.
Антоним всему – жизнь.
Все взял дурачок. Бутыль.

Джинн. (Смешно, право!)
Итог: каждому – костыль!
У Бенито бред. Лечебные травы.
2008 г.

Записки о жизни или тихие призывы сумасшедшего как признак колеса

Колесо – вечность. Можно даже равенство поставить. Бесконечно-неопознанное, такое правдиво – горькое, что глаза застилает. А мысли прокручиваются, все бегут, спешат куда – то... В никуда многие. Тоже, кстати, по кругу... Все это так неизбежно. Вечность.

И когда мы говорим о колесе, то подразумеваем что-то иное. Большее.

(посещение больницы) Пушечное мясо, пессимизм как кровавое, невыносимое месиво да процветание эгоистичных мыслесплетений как должное. Урвать свой жалящий болью кусок и убежать...

Все оно кругом – сплошное ожидание. И мы – ожидание, и сны – ожидание, и в кровь – ожидание... И что – такое нестерпимое круговое ожидание складывается в жизнь? Пытка ради блага. Порой животные инстинкты скорой расправы кажутся совершенством.

Есть факторы, приближающие с каждым малым зерном вселенной к психическому отклонению. А что потом? Бесконечное презрение, жалость или страх... со стороны всех ваших черносотенцев... На руках тихо уснула Вечность, слезами оставив след чего-то постигнутого... И ты чувствуешь себя внутри – значит, достучался! А они нет. Отныне это будет твоим преступлением... Но радость от добычи новых философских факторов только множится.

Если хочешь, именуйся безликим сухим Безмянным (если повезет – гражданином, но это как прикажут). Но среди всей вашей Системы клеветы и недоумия позвольте навек остаться просто Товарищем.

2007-2008 гг.

О бетонном

Своими руками безропотно
 строить концлагерь,
Уютный, двухкомнатный,
 в центре,
Где патриархат на
 кубическом метре
Неизмеримо больше водорода
 в пространстве.
В бетонных стенах рьяно
 слушать приказы Вновь-Рейхстага,
Лицо повязавши платком –
Не хочется быть дураком,
А где же лицо – знает только
 еврейский бродяга.
Кухонных дней перманентно
 глотать парафин,
Цепь поискав поприличней
Да покороче...Отлично!
Рабовладельческий строй возвращается
 к глухонемым!

Для зависти вставить
 в рамки богов,
И в ярых молебных нотах
На небо селить лишь сухие банкноты,
А траурный марш отпевальный
 давно за дверями готов.
Горб вырастает в общинно – бюджетном плену,
Хлам взгромоздить на глаза,
«Спасибо» соседям сказав,
Бесформенной массой копить
 в голове седину
Вместо мозгов. Шальной окружной Пиночет
Зашел на хозяйственный ринг,
Но после кофе запел его браунинг,
Не выдержав невыносимой
 легкости лет.

март, 2008

ПРЕДТЕЧА

пресс-релиз Кадуйского литературного объединения
«СЕМИЗЕРЬЕ»

№ 13

Александр ДУДКИН - идея, составление, макет.
«Предтеча» в Интернете на сайте Вологодского отделения Союза
русских писателей по адресу: www.vospr.narod.ru

E-mail: a-dudkin@yandex.ru

24 мая 2008 года.

Вероника БАШКУРОВА
Попытка победителя

К сожалению

Чудовишно редкая птица
Эта любовь!
Не найти.
А зачем?
Есть тело и игра.
Можно теперь обойтись
без адского труда.
17 октября 2006 г., Вологда

Я смотрю на людей на сцене;
Они смеются и шутят,
Пытаясь развеселить
Шумную публику
Откуда-то взявшимися улыбками.
А мне вдруг становится грустно
И не смешно совсем.
После неудачной попытки
Рассмеяться,
Я ухожу—
Не могу быть здесь—
Слишком сильно хочется
Плакать...
Зима 2005 г.

Попытка победителя

Заплутавши во трёх домах,
Потерявшись перед ором на мой стук в дверь,
Испугавшись мелко великодушных теней за шторами,
Я прекратила нелепую попытку быть услышанной
И, резко развернувшись,
Просто ушла.

18 сент., 2007 г., Вологда

Лучше

Я презираю конформизм
И не боюсь возмездий от тех,
Кто против меня,
И тех, против кого я.
Область определения данного чувства равна
промежутку от – бесконечности до +бесконечности.
Под обильными идеями
Моих слепых исканий,
Под греховными гарями,
Подпольными мыслями,
В активе запрещёнными
Нормальными людьми
Прячется судьба, пророчит
Бесконечное одиночество...
А я не боюсь пророчеств –
Я люблю своё одиночество!
Ведь лучше живым трупом быть,
Чем МЁРТВЫМ живым!
Ведь лучше закопаться
В своём маленьком мирке,
Чем стать ТАКИМИ ЖЕ, КАК ВСЕ!
Лучше в ментовках
Общественных взглядов,
Лучше - в святом горе,
Чем в гнусно-подлом счастье!
...Мои бредовые рассказы
Залепляют обоймы
Врунам, трусам, подлецам...
На секунду, на минуту, на месяц!

На секунду, на минуту, на месяц!!
Значит, не зря живём!!
Значит, не страшно ничего,
Пока я харкаю на всё, что считаю дерьмом!!
13 мая 2007 г.

Бесполезность

Огнедышащая лавина
Чувств
Закипает стремительно...
Секунда, минута, час-
Как медленно время!!
Как больно терпеть,
И больней, и больней
Рвётся наружу...
ЛЮБОВЬ К ТЕБЕ?!!
А ты...
Никогда не услышишь
Тихого крика
Расшатанных зрачков.
Ты
Никогда не увидишь
Бурлящего родничка
В лихорадочности блеска
Глазных водохранилищ.
Ты
Не почувствуешь огня
В касании холодной ладони.
Ты
Не заметишь озноб
На горячих губах.
И уж, конечно,
Ты никогда не поймёшь,
Что из-за тебя в моём куске умного мяса в груди слева
Барабанит сумасшедший барабанщик,
Разбивающий свои инструменты вдребезги...
Тектоническая сила
Бесполезна.
5 мая 2007 г., Вологда

Для тебя

Ресницы
Длинные, чёрные...
Тушь новая. Для тебя.
Опять
Чушь
какую-то думаю.
Снова немножко с ума сошла.
Пытаюсь выдумать
Что-то новое, нескучное,
Чтоб интересно было ... Для тебя.

Любить

Сине-чёрное небо; пустынные белые улицы, печально заснеженные, кажущиеся пышно-пушистыми, мягкими и холодно-нежными, как замёрзшие тонкие пальцы скрипачки в метро...Ходить по одиноко-наполненным комнатам, где тикают будильники, журчат сковородки и болтают, не умолкая, телевизоры—это так знакомо; а в окне—тишина и покой. Становится интересно: как там тёмному большому небу, усталой малокровной земле, глухим коробкам домов и обнажённым худеньким деревьям? Хочется туда, за окно, в небо, размахивать руками и обжигаться морозным бодрящим воздухом, попадающим прямо в гортань, или же босиком по снегу...

Где же, где же твои всегда тёплые широкие ладони? Где твои сильные плечи, искренний смех и длинные мягкие волосы? Где твои упрямые брови и глаза, что-то скрывающие? Может, ты там, за окном? Слышишь ли ты меня, запутавшуюся, слышишь ли моё озябшее сердце? Знаешь ли ты мою дикую грусть? Чувствуешь ли ты? Хочешь, я приду по этому светлому горячему пуху, босая, к Тебе, или смело прибегу по просторному воздуху? Хочешь, не ты, а я достану тебе звезду, самую дальнюю, самую красивую, алую от крови моих оцарапанных, изрезанных в раны рук, которые достанут тебе эту звезду, не обратив внимания на боль, усталость и её недоступность?

...Ты любишь этот снег, любишь высоко задирать голову и смотреть на него и на звёзды, шуряшь и смеяшься от шутивых ласковых пощёчин хлопьев по щекам, губам и кончику носа. А я люблю тебя.

24 января 2006 г.

Твой звонок

В эту ночь я долго не могла уснуть. Собственно, не особенно и пыталась. Мне нравилась идея помечтать перед сном под тёплым старым одеялом... И мне мечталось, что мы идём с тобой в кино, гуляем под дождём, сильным дождём, какой любишь и Ты, и Я. Мне представлялось, как ты приходишь ко мне вечером и мы слушаем вдвоём нашу любимую музыку: ты качаешься на стуле, а я, как обычно, лежу на кровати—руки под головой, нога на ноге...

Я мечтала о твоих глазах: они смотрели на меня внимательно и нежно, вглядываясь в перемены на моём лице и во время фильма в киношке, и под зонтом на улице, и у меня дома... В этот момент мне показалось, что я раздваиваюсь: одна моя половинка, обычная, явно спала, а другая, маленькая принцесса, открывала по-детски радостно глазки и, ещё не проснувшись толком, улыбалась кому-то, может быть, всему миру. И эта вторая половинка услышала какой-то звон. Немного удивилась. Музыка казалась продолжением сна, красивая, тихая, она напоминала музыку в игрушках, которые дарили короли своим дочерям в сказках. Она заводилась на ключ и играла, играла... Мелодия так настойчиво отзвучала один раз, и, ненадолго затихнув, второй, что я привстала на локтях и, всё ещё улыбаясь, стала искать, откуда идёт звук. Стало тихо. Но тут она зазвучала снова; я увидела, что мой телефон подмигивает мне весело и игриво разноцветными цветами; вспомнила, что ещё вчера поставила эту чудную мелодию из какого-то мультика про короля и принцессу...

... Мне почему-то представилось, как ко мне на цыпочках идёт мультяшный король в смешных старинных панталонах и короне, долго кланяется, улыбается, а под завершающую ноту мелодии замирает, выставив одну ножку в остроносых туфельках и пристукнув потом ей о другую; он протягивает руку, делает почтительный кивок мне и выпрямляется, с каким-то вопросом в глазах на меня посматривая...

Я, наконец, взглянула на экран и окончательно проснулась, сообразив, КТО звонит; всё внутри подскочило, задребезжало, волнуясь, радуясь знакомым цифрам и боясь их.

«Да!» - выдохнула я.

«Скажи мне честно, - мягко сказал знакомый голос, показавшийся в тишине таким чётким, будто ты был совсем рядом и я видела эти глаза—ты спишь?»

Голос договорил фразу и канул в неизвестность. На дисплее появилась привычная и необычная одновременно надпись: звонок закончен. Моя дрожь сразу улеглась, и мне стало как-то спокойно тепло. Я снова залезла под любимое одеяло и набрала номер... Было полчетвёртого ночи. Ты что-то возбуждённо рассказывал про то, как вы только что убегали от ментов, про то, как ты идёшь по улице один, «как всегда один», и пьёшь прямо из бутылки дешёвый портвейн; про то, что сегодня, как вчера, и изменить это не может никто, и выхода нет, ну разве что умереть. Но умереть, наверно, было страшно, потому что ты вроде бы не хотел... Я что-то шептала в ответ, порывисто и сбивчиво, где-то соглашаясь, где-то нет, заявила, что смерть—это слишком легко. Потом сказала зачем-то о том, что мне иногда бывает страшно и кажется, что со мной что-то может случиться. То ли зная мою любовь к Цюю, то ли просто потому что это было в тему, ты вдруг запел в трубку:

«Сегодня над нами пролетел самолёт,
Завтра он упадёт в океан...»

«Погибнут все пассажиры» — закончила я не к месту радостно: вероятно, радость эта возникла от ощущения, что мы что-то делаем вместе, что мы — как одно целое.

«Завтра где-то, кто знает где» — продолжал ты.

«Война, эпидемия, снежный буран» — отвечала я.

«Космоса чёрные дыры» — медленно, уже более выразительно, более низко, кося под Витю, пропел ты. И я закончила,

будто подвела итог—с одной стороны, всей песни, с другой — твоего состояния и нашего разговора — сказала, чётко выговаривая, не требуя, а спрашивая, словно ласково давая наказ:

«Следи за собой! Будь осторожен...»

Июль, 2005г.

«СЕМИЗЕРЬЕ» и СЕМИЗЕРЦЫ в ИНТЕРНЕТЕ

Форум «Семизерье»: Кадуйское литобъединение» на сайте Вологодского отделения Союза российских писателей (ВОСРП): <http://vosrp.artvologda.ru/forum/viewtopic.php?f=3&t=261&p=3229#p3229>

В сообществе Живого Журнала «Кадуй» публикуются объявления, репортажи, отчёты о литературных мероприятиях: <http://community.livejournal.com/kaduy/>

Пресс-релиз «Предтеча» №№ 1-8: <http://vosrp.narod.ru/bibla/Predtech1-8.html>

В «Клубе вологжан» пресс-релиз «Предтеча», начиная с № 9, рассказы Людмилы Шариной и др.: <http://www.proza.ru/author.html?klubvo>

Марина ГУСЕВА

<http://vosrp.narod.ru/chely/Guseva.html>

Страница на форуме ВОСРП: <http://vosrp.artvologda.ru/forum/viewtopic.php?f=12&t=210>

Страница на «Прозе.ру»: <http://www.proza.ru/avtor/aniram256>

Страница сайте Международного творческого объединения детских авторов: http://braylland.com/index.php?option=com_comprofiler&task=userProfile&user=347

Мария МАРКОВА

Страница на форуме ВОСРП: <http://vosrp.artvologda.ru/forum/viewtopic.php?f=12&t=357>

Страница на «Стихах.ру»: <http://www.stihi.ru/author.html?markovna7>

Блог в «Живом Журнале»: <http://mmavochka.livejournal.com/>

Елена СМИРНОВА

Страница на «Стихах.ру»: <http://www.stihi.ru/author.html?ledyes>

Людмила ШАРИНА

<http://vosrp.narod.ru/chely/Sharina.htm>

Страница на форуме ВОСРП: <http://vosrp.artvologda.ru/forum/viewtopic.php?f=12&t=229>

Несколько рассказов: <http://www.proza.ru/author.html?klubvo>

Александр ДУДКИН

<http://vosrp.narod.ru/chely/Dudkin.htm>

Страница на форуме ВОСРП: <http://vosrp.artvologda.ru/forum/viewtopic.php?f=12&t=214>

Блог в «Живом Журнале»: <http://al-an-dudkin.livejournal.com/>

Фотографии: <http://fotki.yandex.ru/users/a-dudkin/>

Сборник стихов «Случайная небрежность»: <http://vosrp.narod.ru/bibla/DSN.htm>

Сборник стихов «Блуждание как блуд»: <http://vosrp.narod.ru/bibla/ADB.htm>

Страница на «Прозе.ру»: <http://www.proza.ru/author.html?dudkin>

Страница на «Стихах.ру»: <http://www.stihi.ru/author.html?adudkin>

ПРЕДГЕЧА

пресс-релиз Кадуйского литературного объединения
«СЕМИЗЕРЬЕ»

№ 14

Александр ДУДКИН - идея, составление, макет.

Форум «Семизерье»: Кадуйское литобъединение» на сайте
Вологодского отделения Союза российских писателей (ВОСРП):

[http://vosrp.artvologda.ru/forum/
viewtopic.php?f=3&t=261&p=3229#p322](http://vosrp.artvologda.ru/forum/viewtopic.php?f=3&t=261&p=3229#p322)

E-mail: a-dudkin@yandex.ru

25 декабря 2008 года.